

Составление, перевод
Валерия
БАЙКЕЛЯ

«История о страшном злодеянии евреев в земле Бранденбург»

немецкие
антисемитские
сказки и легенды

Сборник

Валерий Борисович Байкель

**История о страшном злодеянии
евреев в земле Бранденбург:
Немецкие антисемитские
сказки и легенды**

**Серия «Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42666787

*История о страшном злодеянии евреев в земле Бранденбург и легенды /
сост. В. Б. Байкель: Алетейя; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-91419-644-5*

Аннотация

В книгу вошли переводы немецких сказок и легенд, записанных и изданных преимущественно в XIX – начале XX века и строящихся на антисемитских мифах и клише: «Вечный жид», еврей-ростовщик, ритуальный убийца, осквернитель гостии и др.

В Приложение I включены тексты антииудаистской направленности, возникшие в немецкой средневековой литературе и фольклоре, тематически близкие к записям легенд в XIX веке. В Приложении II публикуются переводы отдельных антисемитских сказок и легенд других европейских стран, сюжетно и образно связанных с немецкой фольклорной традицией.

Сюда же включены отдельные еврейские сказки и легенды, в которых еврейское фольклорное сознание рефлектирует антисемитские мифы и клише. В вводной статье анализируется проблема литературного антисемитизма в художественном творчестве и фольклоре.

Содержание

Введение	6
Примечания	50
Сказки и легенды	64
1. Чудесный холст	64
2. Еврей в терновнике	66
3. Еврей в терновнике	71
4. Сын медведя	79
5. Удачная торговля	81
6. От солнца ясного ничто не скроется!	89
7. Солнечный бублик	91
8. Куропатка	94
9. Солнце тебя выдаст	97
10. Солнце все раскроет	98
11. Верный жеребенок	100
12. Еврей и навесной замок	105
Конец ознакомительного фрагмента.	110

История о страшном злодеянии евреев в земле Бранденбург и легенды Составитель В. Б. Байкель

Составление, перевод (кроме отмеченных в оглавлении
*), вступительная статья и комментарии

В. Б. Байкеля

© В. Б. Байкель, составление, вступ. статья, перевод на
русск. язык, комментарии, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Введение

Антисемитизм и фольклор: немецкие сказки и легенды

В немецкое литературоведение сравнительно недавно введено понятие литературного антисемитизма, которое подразумевает под собой отражение в литературных (письменных) текстах антисемитской тенденции. Было определено, что литературный антисемитизм в сравнении с другими науками, изучающими антисемитизм (психология, психоанализ, история, теология и др.), обладает свойственными ему принципами и приемами исследования¹. Например, Мартин Губзер определял шесть критериев литературного антисемитизма: 1. Использование образов-клише (или стереотипов), которые кристаллизовались в истории антисемитизма и которые понятны среднеобразованному читателю. 2. Использование особенностей языка еврейского персонажа (jiddeln). 3. Изображение еврейского персонажа особыми поэтическими средствами как «чужого». 4. Изображение евреев как носителей злого начала и наделение положительных персонажей, неевреев, положительными качествами. 5. Возбуждение неприятия читателем еврейских образов через комментарий повествователя. 6. Недостаточная «вненаходи-

мость» (как бы мы сказали, следуя М. Бахтину) автора при изображении антисемитских мотивов и еврейских образов, свидетельствующая об антисемитской тенденции в его творчестве².

Что касается фольклора и его письменных жанров, то они представляют собой тексты, в эстетическом плане избегающие индивидуализации персонажей, и в определенной части которых воплотились клише и стереотипы евреев, уходящие вглубь национальной фольклорной традиции. В ней отразились также языковые, стилистические и образные характеристики евреев с определенной функциональной заданностью: снижение образа еврейского персонажа, что позволяет говорить о чертах литературного антисемитизма в фольклоре.

Удивительно, что изучение немецкого фольклора в 19 и 20 веках, вплоть до 60-х годов не обращало внимание на образы евреев. Если еврей случайно попадал в фокус фольклористики, то вне его реальной жизненной ситуации, но как антисемитская карикатура, воплотившаяся в народных песнях и повествовательных жанрах³. И это было естественно, так как в устной традиции еврей выступал как образ ужасного, как образ кочевника, обманщика, ритуального убийцы и отравителя, недочеловека, противостоящего благопристойному немцу, католику или протестанту, полевому или заводскому рабочему, в итоге превратившемуся в арийца, благородного сверхчеловека⁴.

Литературный антисемитизм в культуре Германии тесно связан с усилением националистической традиции конца 18 – первой трети 19 века, а именно с эпохой романтизма. Немецкий романтизм – уникальное явление, ознаменовавшее собой коренной перелом в культурно-историческом, эстетическом и жанровом развитии искусства и литературы, преодоление «старой» риторической традиции и открытие новых форм мышления и художественного творчества. Одним из важных художественных открытий романтической эстетики в Германии была категория «народности», «национальности» искусства и литературы. На первое место в художественной культуре романтизм второго этапа выдвинул фольклорные жанры. Если Гердер в 1772 году жаловался на малочисленность источников собственно отечественной литературы, то на волне романтизма братья Гримм указали на «гений» немецкой поэзии, на народ, как на носитель истинно национальной мифологии и фольклорной поэзии. Гриммы стали утверждать, что сокровища народной поэзии огромны, поэтому гердеровской идее о неразвитости немецкой литературы противостоит тот ее пласт, который, по их мнению, компенсирует эту отсталость. Ни эпос, ни драма стоят на вершине художественных ценностей, но малые народно-поэтические жанры. Они принадлежат собственно национальной

поэзии и живут в сознании народа уже века. Из всех этих жанров, согласно Гриммам, сказки и легенды воплощают в себе высшую форму художественности. Так в начале века начинается в немецкой культуре лихорадочное собирание и записывание народных сказок и легенд, которое, питаемое в известной степени установками Гриммов, а также в какой-то степени с ними расходящееся, получает выражение у Бехштайна, Грессе, Прёле, Мейера, Мюллендорфа и др.

Понятия «народ», «нация», «национальная идея» в истории культуры иногда могут выступать в резкой националистической интерпретации. В истории литературной культуры Германии известное место занимает националистическая традиция, получившая выражение в наличии в этой культуре антисемитского компонента. Заявившая о себе еще в Средневековье и воплощающаяся в различных письменных и устных жанрах (шванки, легенды, сказки, средневековая драма и литургия, мессы, исторические и судебные хроники), она ясно обозначилась как одна из тенденций литературной культуры романтической эпохи и определила также отношение к собиранию и записи сказок и легенд. Так возникли антисемитские сказки и легенды, песни, пословицы и поговорки, тематически строящиеся на восходящих к Средневековью антисемитских мифах и клише: Вечный жид, еврей – осквернитель гостии, отравитель колодцев, источник заразы, ритуальный убийца, подлый торговец-ростовщик, мошенник и т. д.⁵ Особенно актуальным в фольклорных жан-

рах звучало обвинение еврейства в ростовщичестве, в том, что на протяжении своей истории оно выступало лишь в качестве заимодавцев. Игнорировался в фольклоре в силу его жанровой специфики тот исторический факт, что еврейство было отстранено от «благородных» профессий, не допускалось в христианские цеха и гильдии и было обречено заниматься с точки зрения христианства приравненными к кровосмешению и нарушению супружеской верности презренными занятиями, то есть жить торговлей и ростовщичеством. Следует отметить также, что интерес сказочников к подобным сюжетам, бытующим в народном сознании, был вызван поворотом от универсализма Просвещения к романтической культуре, к так называемому романтическому антисемитизму⁶.

Расцвет немецкой народной сказки связан с именами Якоба и Вильгельма Гриммов. Первое издание сказок осуществилось в 1812–1815 годах, но рукописный вариант был ими создан уже в 1810. Спустя год в Берлине создается «Христианско-немецкое застольное общество», идея образования которого принадлежала Ахиму фон Арниму. В предложении по созданию «Застольного общества» Арним указывал, что членом его может стать человек «высокой чести и принадлежащий к христианской религии»⁷. В него вошли представители родового дворянства, прусского юнкерства и бюргерской аристократии – ученые, поэты, служащие. Кроме Арнима, автора знаменитого антисемитского трак-

тата «Об отличительных признаках еврейства» («Über die Kennzeichen des Judentums», 1812) в него вступили Брентано, создатель антисемитской сатиры «Филистер до истории, в истории и после нее» («Der Philister vor, in und nach der Geschichte», 1811), Эйхендорф, Клейст, Шамиссо, Фихте, Шлейермахер, Иффланд, Савиньи, принц Радзивилл и др. Братья Гримм, живущие в это время в Касселе, не были прямыми участниками общества. Но, как известно, их связывала тесная творческая дружба с Арнимом и они могли разделять многие его взгляды, не только художественные, но и идеологические. Согласно главной установке общества, его членами не могли быть евреи, женщины и... французы. Отказ французам от участия в обществе объяснялся не только господством в нем национальной идеи и романтико-патриотическим противостоянием французской экспансии и французской культуре⁸. Он был вызван также негативным отношением «Застольного общества» к тем практическим результатам французской революции, которые давали гражданские права евреям и ставили вопрос о женской эмансипации.

Философской основой антисемитизма «Застольного общества» послужили работы Канта и особенно Фихте. Кант на закате Просвещения в «Метафизике нравов», в «Антропологии» философски обосновал свое отношение к еврейству. Главные положения Канта, которые во многих основаниях восходили к антисемитским клише, сводились к сле-

дующему: в евреях исторически со дня их бегства, изгнания и диаспоры, преобладает дух ростовщичества; наименование евреев как обманщиков небезосновательно; евреи не могут унаследовать гражданскую честь не потому, что окружающий мир отказывает им в этом, но в силу того, что они сами этой цели не преследуют; государство, в котором они живут, признает их религию, но еврейство остается неблагодарным; евреи обманывают не только чужих, но и своих, ибо обман – характерный признак их нации, ставший максимум их природы, которая определяет каждого индивида этой нации; еврейская религия содержит положения, разрешающие обман; еврейство лишено моральных компонентов; отсутствие трансцендентальности, морали и универсальности свидетельствуют о том, что у евреев нет какой-либо религии; христианство не могло, поэтому, иметь своим источником иудаизм, но тесно связано с «греческой мудростью»⁹.

Особое значение для романтиков имела фихтевская модель «Наукоучения» с ее категориями «Я» и «не-Я». Философское «противостояние» этих категорий рефлексировалось романтиками порою социологически, адаптировалось с целью критики еврейства. Речь шла здесь уже не о метафизических категориях, не только о «Я» и «не-Я», но о немцах и не немцах, о «Мы», которое противопоставлялось «не-Мы». В подобной рефлексии таилась опасность противостояния всему «чужому», всему «не немецкому».

Фихте, развивая морально-философские установки Кан-

та, стал «индикатором антииудаизма на общественном уровне»¹⁰. Еще в 1792 году, отмечая распространенность «враждебного племени» по всему свету, Фихте не признавал духовной автономии еврейства и выступал против уравнивания его в гражданских правах, которое провозгласила французская революция. Позволим себе длинную цитату: «Почти через все страны Европы простирается могучее, враждебное и беспринципное государство, которое находится с другими в постоянной войне, и которое ужасно тяжело давит на граждан – это еврейство... Это государство построено на ненависти целого человеческого рода. Самый последний из них чтит своих предков выше, чем мы тех, кто обозначен в нашей истории; народ, изгонявший другие из своего любимого отечества, проклятый своим слабеющим телом и духом, убивающий любое благородное чувство своей мелочной торговлей... Народ, который через связующее начало – религию – выключен из нашего образа приема пищи, радости, обмена веселым нравом от сердца к сердцу, что коренным образом отличает его от нас в обязанностях, правах, в душе. Что можно ожидать от этого государства? Где первый еврей, которому доставит удовольствие ограбить меня? Все это видите вы сами и не можете лгать, но говорите сладкие слова о терпимости и правах человека тогда, когда они это чувство прав человека оскорбляют в нас самих. Можете ли вы проявить любовное терпение к тем, кто не верит в Иисуса Христа, несмотря на звания, чествования, которые вы им возда-

ете, к тем, кто открыто поносит его, к тем, кто отнимает вашу бюргерскую честь и с достоинством добытый хлеб. Нет ли у вас мысли, что евреи без вас граждан являются государством, которое крепче и могущественнее, чем все ваши. Если вы дадите им еще гражданские права, то лишь для того, чтобы они других граждан попирали ногами...»¹¹. «Чужое» в культуре следует превратить в «свое», но что касается евреев, процесс этот невозможен, кроме метафорически выраженного Фихте средства «отрезать им ночью головы и приставить другие, в которых нет ни одной еврейской идеи»¹².

Размышления Фихте о языке, имеющие антисемитскую подоплеку, также импонировали романтикам. Фихте отмечал, что немецкий язык с точки зрения его научной выразительности, способности к абстракции – самый совершенный из всех имеющихся. Если понятие или категория, родившаяся в недрах немецкого языка, попадает вдруг в другие, «лишенные кровообращения жизни»¹³, то она до неузнаваемости искажается, опроцывается и теряет свой «естественный» смысл. Противоположность между немцами и другими народами заключается в том, что язык немцев сохранил свою природность и естественность. Если христианская церковь во времена Августина признавала три священных языка: иврит, латынь и греческий, а Гердер в свое время считал пра-языком древнееврейский, возводя «народ книги» к пра-народу (Urvolk), то Фихте «замещает» еврейский на немец-

кий, возвышает отечественный язык над языком рассеянных его носителей и на место евреев как «пра-народа» ставит народ немецкий. «Прививка», сделанная Фихте немецким романтикам, убедила последних в своей духовной избранности, в том, что они и есть «Urvolk», избранная нация с точки зрения языка и культуры. Эта линия в немецкой культуре стала актуальной на протяжении всего века. Что касается немецкого еврейства с его западной формой идиша, романтическая элита отводила ему самое низкое место в культурном развитии, считала их язык пародией на верхне-немецкий, и в качестве пародии использовала элементы языка в литературном творчестве, а также в фольклоре – народных сказках и легендах – чтобы усилить комическое значение «семитского» персонажа¹⁴.

Описание культурной атмосферы, сложившейся на романтическом этапе с доминированием в нем национальной идеи, было бы не полным без анализа рефлексии «еврейского вопроса» в недрах самого «Застольного общества», которая тоже в известной степени повлияла на особый интерес собирателей к антисемитским сказкам и легендам на протяжении всего 19 века. Имеется в виду трактат Brentano «Филистер до истории, в истории и после нее» (1811)¹,

¹ См. об этом в моей статье: Байкель В.Б. Категория «Филистер» в литературной культуре Гете и поздних романтиков (Арним, Brentano, Эйхендорф). – Художественная культура, критика и публицистика в системе духовной культуры. Тюмень, 2010, с. 397–412.

а также работа Арнима «Отличительные признаки еврейства» (1812). В трактате Брентано еврей отождествляется с филистером, понятием ключевым в немецком романтизме. Автор создает повествование, в котором выступает пародийно перелицованная история филистеров как библейского народа, по поводу которого «проклятия писания стали действительностью и которые сами стали доказательством своей гибели, своей злостной вины, не растворяющейся как кровавое пятно»¹⁵ После описания «библейских» событий Брентано иронически представляет современность еврея-филистера: они «распространены по всей земле... их пепел развеян по ветру... Эти припозднившиеся дети смерти, они не находятся более в доме жизни... Они хотят устраивать дела так, как это было с манной, которая падала им с неба три тысячи лет назад и без всякого с их стороны усердия»¹⁶. В претендующих на афористичность высказываниях проявляется позиция автора: «У евреев благородство ассоциируется с мерзостью (Ekel), у филистеров – с ослом (Esel)»; «Филистер не может быть веревочным танцором, но может стать пожирателем камней»¹⁷. Работа Арнима, появившаяся как ответ на сатиру Брентано, делала еврейство предметом комического осмеяния, включая в себя ряд антисемитских клише. Что делает еврея евреем? Особое отношение к деньгам, внешний вид, платье и их запах. Ни равноправие, ни крещение не могут устранить различий между евреем и христианином, тем

более высокорожденным, ибо дворянство должно поступать благородно, а еврей-филистер по-ростовщически («Adel soll adeln, Philister – wuchern»).

Выступления и публикации Арнима и Brentано вызывали огромный интерес в «Застольном обществе» и за его пределами. Необычайным успехом пользовалась сатира Brentано. Несмотря на то, что многие члены общества были участниками еврейских берлинских салонов Генриетты Герц и Рашель Варнгаген, Brentано не подвергся никакой критике. «Общество при прослушивании сатиры... что называется вышло из себя, скандировало и кричало от удовольствия... Все члены общества окружили Brentано и выражали ему свой восторг. Это был великий триумф Brentано: он, что говорится, был «потоплен» в успехе»¹⁸.

В художественном творчестве немецкие романтики часто прибегали к изображению евреев (Арним, Brentано, Гауф, Братья Гримм и др.). В новеллах и сказках они использовали средневековые стереотипы и клише, которые определяли их эстетическое мышление². Литературные приемы изображения персонажей-евреев не выходили за границы гротеска, карикатуры, пародии. Причем гротескная образность в этом случае лишалась «карнавальности», что прокламировал еще Юстус Мёзер (1720–1794) на просветительском этапе немецкой литературы в работе 1761 года «Арлекин или

² См.: Байкель В.Б. Национализм и фольклор. – Байкель В. Б. Евреи в Деггендорфе. Немецкие антисемитские сказки. Спб.: Алетейя, 2014, с. 5–36.

Защита гротескной комики»³. Гротеск вырождался в карикатуру, теряя свой «амбивалентный» (М. Бахтин) характер.

Во второй половине века антисемитизм вступает в новую фазу, становится антисемитизмом политическим. Политический антисемитизм отличается от прежних форм юдофобии, обретая светский характер, становясь неотъемлемой частью политических партий, политических движений, проповедующих радикальный антисемитизм. Он проникает в общее политическое мышление, обретая качество его важного идеологического компонента. Антисемитизм уже менее основывается на древних предрассудках и клише, но получает «научно-теоретический» характер»¹⁹. Даже теологическая рефлексия «еврейского вопроса» «политизируется» и отражает современные аспекты научного знания. Например, немецкий теолог Пауль Антон де Лагарде (1827–1891), отношение которого к еврейству близко фихтеанскому, радикально усиливал биологический взгляд на «народ книги». В статье «Германство и еврейство» он, например, отмечал, что великие немецкие философы, писатели, музыканты имели разные этнические корни. У Лейбница и Лессинга он находил славянское начало, у Генделя – кельтское, писал, что отец Канта был шотландцем и т. д. Но вместе с тем, они, по его мнению, отражали немецкую сущность в мышлении и в

³ См.: Байкель В.Б. Гротеск и немецкая поэтика второй половины XVIII века. – Байкель В.Б. Типология литературных жанров XVIII–XX веков. СПб.: Алетейя, 2009, с. 78–79.

образе жизни. Однако «евреи как евреи означают для каждого европейского народа страшное несчастье. Евреи в связи с их религией и нравами неспособны ни к какой ассимиляции по сравнению с германцами и являются разрушителями немецкого духа.

Следствием этого для Германии является то, что евреи должны либо выехать из страны, либо стать немцами. Но последнее, как отмечено, невозможно!»²⁰.

Таким образом, собирание и записывание фольклора в течение 19 века, в том числе сказок и легенд, происходило во время утверждения в немецкой культуре национализма, как важнейшей ее составляющей. Национализм, получивший свое яркое воплощение в различных формах антисемитизма, который был свойствен обществу на разных его социальных ярусах: от крестьян и ремесленников до дворянства, от ученых интеллектуалов до служащих, оказал воздействие на подходы к фольклорным жанрам, на их выбор, а также на интерес к антисемитской тематике, существующей уже столетия. Любопытно, что почти единственный из сказителей и собирателей легенд Людвиг Бехштайн писал об ограничении в выборе фольклорных жанров с антисемитским содержанием, предупреждал фольклористов о том, чтобы они не переполняли свои издания антисемитскими сюжетами и, в частности, легендами о осквернении гостии евреями, которые получили на территории немецкого языкового пространства, в отличие, например, от Франции, гигантское распространение.

ние. В предисловии к сборнику легенд он отмечал, что сознательно не включил многочисленные антисемитские легенды о похищении евреями гостии, об убиении христианских детей и др. «Если они и не пробуждают старую ненависть, – писал он, – все же они оскорбляют и оспаривают христианский и этический принципы»²¹. К сожалению, не все собиратели сказок и легенд шли по пути предложенному Бехштайном.

* * *

Отмечая внутрижанровые разновидности сказки, В.Я.Пропп выделял волшебные, легендарные, новеллистические, сказки о животных и растениях. Четкую границу, писал он, провести между жанрами нельзя²². Еврей как сказочный персонаж появляется в трех жанровых разновидностях немецкой сказки: в волшебной, легендарной и новеллистической, причем функция героя обуславливается доминирующей жанровой основой сказочного повествования. В волшебной сказке он «возвышается» до демонического героя, колдуна, владеющего магией и другими колдовскими приемами. В легендарных текстах его образ «обмирщается», включается в легендарное время-пространство, которое иногда уснащается этнографическими, историческими деталями, христианской символикой. В сказках новеллистических еврей предстает как представитель определенного эт-

носа – еврейства, наделяется антисемитскими характеристиками-клише. Несмотря на жанровые различия сказок, еврей выступает и в них, и в текстах легенд как персонаж с отрицательным знаком, как антагонист, противостоящий главному герою: королю, принцу, рыцарю, крестьянину и т. д. В «христологических» сказках он изображается губителем Христа и врагом христианства, в легендах – осквернителем христианских святынь. В связи с отмеченным выше, опираясь на содержательный аспект малых повествовательных жанров мы и выделяет антисемитскую сказку и легенду. Это предполагает, что главным (или второстепенным) героем, вобравшим в себя сказочную функцию антагониста, является еврей, образ которого восходит к средневековым мифам и клише.

У истоков немецкой народной сказки и легенды стоит И.Музеус. В предисловии к своему сборнику, Музеус писал, что он «занялся обработкой народных сказок, на которые еще до сих пор не обратил внимания ни один немецкий писатель». Он отмечал также, что все эти сказки отечественного происхождения, ибо передавались из уст в уста от прадедов к внукам и их потомкам. Его задача свелась лишь к «переработке этой сырой массы, ибо в совершенно неизменном виде они выглядели бы хуже»²³. Однако понятие народной сказки лишь условно применимо к произведениям Музеуса. Наполненные авторской иронией и юмором, комментариями и отступлениями, сказка Музеуса сближается с авторской,

романтической сказкой. В сказках Музеуса появляется образ еврея (придворный врач в «Рихильде», еврей-лекарь в «Мелексале»). Элементы критики еврейства получают выражение в историях Музеуса на уровне случайных мотивов: мотив отравления колодцев, упоминание о ростовщичестве евреев и др.²⁴ Но в отличие от поздней негативной трансформации образа еврей Музеуса тесно связан с просветительской традицией, у истоков которой стоял Лессинг. Придворный врач Самбул в «Рихильде» – не Натан Мудрый, но в границах сказочного повествования умный, человеколюбивый персонаж. В сказке, построенной на мотиве «чудесного зеркала», он по приказу злой мачехи, королевы Рихильды, впрыскивает яд в гранатовое яблоко, готовит отравленное душистое мыло и отравленное письмо для ее падчерицы Бианки. Но будучи набожным иудеем, не имеющим никакой склонности к мошенничеству, «если не считать его пристрастия к благородному металлу, ради которого его совесть становилась податливой», Самбул проводит за нос мачеху, щедро вознаграждается Бианкой и ее возлюбленным. В «Мелексале» еврей-лекарь Адиллам помогает дочери султана, мусульманке Мелексале и рыцарю-христианину Глейхену, бежать в христианский мир, пакует беглецов в тюки и грузит на корабль, отправляющийся в Александрию. «Лессинговская» линия сказочного изображения «семитского» героя выступила у Музеуса в результате его связи с просветительской традицией, но практически прекратила свое существование

в начале 19 века. Исключение здесь составляют несколько сказочных опытов писательницы и воспитательницы Каролины Шталь (1776–1837), появившиеся в сборнике «Басни, сказки и рассказы для детей» (1816) на позднем этапе романтизма. В сказке «Любимец-горбун», сюжетно тесно связанной со сказками «1001 ночи», невинный еврей-меняла, подозреваемый в смерти любимчика султана, освобождается от наказания. В бытовой сказке «Нельзя ни над кем смеяться, или благородный еврей» дети поначалу смеются над очень бедно одетым евреем, обезьянничают, подражают его речи. Но когда дети и их семьи впадают в глубокую нищету, к ним на помощь приходит тот же самый еврей, «говорящий на жаргоне», и вызволяет их из бедственного положения, чем заслуживает уважение и детскую любовь. Просветительские сказки писательницы были сознательно рассчитаны на детей младшего возраста и выполняли просветительскую функцию. Однако, как мы уже отмечали, подобные сюжеты и герои очень редки в немецкой сказочной традиции: они не перевешивают то негативное значение, которое имели образцы сказки с антисемитским содержанием.

Итак, сказка Музеуса, стоящая практически у истоков народной сказки, в силу преобладания авторской фантазии, языка и стиля не попадает под определение «народной». Понятие народной сказки, получившей письменное закрепление в 19 веке у Гриммов, Бехштайна, и др. в известной сте-

пени тоже условно. Гриммы в «Предисловии» писали о своих сказках, что они опубликованы без изменений, звучат по-гессенски, имеют древнее происхождение и их источник «крестьянско-деревенский» («bäuerlich-dörflich»). Полемика между ними и Арнимом о том, принадлежат ли их сказки индивидуальному литературному творчеству или «естественной» поэзии (Naturpoesie) ни к чему не привела. Лишь позднее жанры народной и литературной сказки были разведены, причем определялось, что сказки Гриммов больше тяготеют к литературной. Сказочные тексты Гриммов, несмотря на стремление авторов сохранить народную поэтику сказки, испытали значительную художественную трансформацию как и у их предшественников (Страпарола, Базиле, Музеус) в области мотивов, образных деталей и языка. Современные исследователи отмечают, что создание сказок братьев Гримм на основе их народной передачи есть фикция. Персоны, которые устно доводили до них сказку, вовсе не принадлежали к кругу «простых» людей, а устная форма передачи сказки вовсе не означала ее прикрепленности к традиции устного повествования. Часто проявлялись случаи, когда темы и сюжеты сказок коренились в литературной традиции²⁵. Несмотря на то, что сказка Гриммов ограничена одним действием, что в ней преобладает сказочное время и пространство, фигуры одномерны, детали всеобщие, психология отсутствует, воздействие редактора сказок на их переработку ощутима в большой степени²⁶. Это означает, что ан-

тисемитская тематика сказок – результат «личного» участия автора, итог его художественного замысла. С этой точки зрения обратим внимание на центральную антисемитскую сказку Гриммов «Еврей в терновнике» (2,3).

В качестве источников сказки исследователи называют стихотворную комедию Альбрехта Дитриха (?-?) 1593 года «История о крестьянском слуге и монахе, которого он заставил танцевать в терновнике», а также английскую народную сказку из собрания Уильяма Хэзлитта (1778–1830) «Монах и юноша». Источники сюжетно близки. Английская сказка повествует о следующем: один из старцев выполняет три желания героя Джека за то, что тот дал ему поесть, и наделяет его тремя вещами: луком, флейтой и особым даром. Если он направит свой взгляд на мачеху, то она сразу же перестанет ругать шалуна Джека. Мачеха обращается к монаху, чтобы тот повлиял на Джека. Джек, владея волшебным луком, обещает монаху птицу, но та после выстрела падает в терновник. Монах отправляется в терновник, а Джек начинает играть на волшебной флейте. Монах танцует, платье его разорвано, тело исколото иглами. Он умоляет Джека прекратить игру. Наполовину голый и окровавленный, он выбирается из терновника, объявляет мачехе, что только черт может справиться с Джеком. Вечером отец и мачеха хотят послушать флейту Джека. Монах просит его привязать, сбегаются все соседи, наполовину голые, поднявшиеся прямо с постели. Все бесконечно танцуют. Монах подает в суд на Джека. Судья обви-

няет героя в черной магии и колдовстве и приговаривает к смерти. Исполняя последнее желание Джека, судья разрешает ему сыграть на флейте. Все начинают танцевать, и судья затем милует Джека. Все заканчивается лучшим образом.

Несомненно, что средневековый антиклерикальный сюжет в переработке Гриммов, воплощенный в «Еврее в терновнике», превратился в антисемитский²⁷. В сказке «добрый слуга» противостоит клишированному образу еврея – мошенника и плута, жадного до денег. Авторы реанимируют в сказке типический образ еврея как «чужого» за счет отдельных деталей. Почти каждое высказывание еврея начинается со слов «Au weih», или «Gott bewahr!» (Боже упаси!)» Вплоть до инверсии члена предложения в высказывании и до самой структуры высказывания имитируется «Jüdeln», т. е. идиш, выступивший в немецкоязычном культурном пространстве 19 века как средство пародии над его носителями: «Au weih geschrien, rief der Jude... geh ich doch dem Herrn was er verlangt»²⁸. В области лексики типичные еврейские выражения «Nu» или «Au weih» давали понять, каков родной язык у говорящего. Подобный метод Гриммов – показать через язык этническую принадлежность персонажа к еврейству, отражается в записи многих сказок и легенд 19 века.

Еще ярче проявляется антисемитская тенденция в обращениях и оценочных значениях, в которых еврей выступает как мошенник (Spitzbube) и как подлец (Schuft), а слуга «добрым малым», а также на уровне мотивов. Когда слуга

говорит судье, что еврей сам предложил ему деньги, судья отвечает: «Плохое ты нашел себе оправдание. Так не делает ни один еврей». Антиеврейская направленность выражена на уровне мотивов и в других сказках. «Козлобородые» (ziegenbärtige) евреи являются исключительно носителями зла. В «Удачной торговле» крестьянин говорит: «Ах! Что ни скажет еврей, это всегда ложь; с его рта не срывается ни слова правды». Во фрагменте «Чудесный холст» мошенник еврей превращается в собаку, которую до смерти доводят две девушки. В сказке Гриммов еврей выступает также как жертва («Die klare Sonne bringt an den Tag»). Здесь он небогат, становится объектом жадности христианина, который затем платит своей жизнью за убийство еврея.

Эволюция сказки в 19 веке связана с установками Гриммов, создавших «образец» народной сказки. В отличие от Гриммов, народная сказка которых восходит к литературным источникам и слабо связана с «народной» передачей сюжета, сказочники идут по стопам Гриммов, руководствуясь их теоретическими положениями. Они опираются на устную передачу сказок и легенд, процветающих в разных областях Германии: Баварии, Швабии, Саксонии и других, стремясь сохранить оригинальные сюжетные и языковые особенности устной передачи. Это касается сказок и легенд, записанных на том или ином диалекте, или на литературном верхне-немецком языке. Однако собиратели позволяют себе «редактирование» непонятных языковых мест текста для чита-

теля, используют литературный язык, «поправляют» сюжеты и образы. Последнее означает, что в сказках, определяемых нами как антисемитские, звучит не только «голос народа», но проявляется также позиция собирателя и толкователя, отражается уже не «коллективный» антисемитизм, но его индивидуальная рефлексия.

В волшебных сказках еврей предстает в разных сказочных ролях: придворный еврей в «Верном жеребенке» (11)²⁹, совративший королеву и с ее помощью пытающийся убрать с дороги маленького принца – свидетеля этого совращения. Королева вливает в кофе принца яд, приготовленный евреем, готовит отравленный китель, требует от вернувшегося короля Ганса, притворившись больной, по совету еврея сварить язык собственного сына. Еврей-отравитель знает науку о приготовлении ядов, используя ее во зло. В другой сказке (12) юноша-силач встречает бывшего торгаша-еврея, знающего тайну волшебного замка. Пройдя испытание, юноша женится на принцессе, а еврей, похитив замок, вызывает духов и приказывает перенести дворец вместе с принцессой, на которой тоже хочет жениться. Юноша обретает в лице великанов чудесных помощников, получает от них средство, чтобы стать невидимым, и пробирается в королевский замок. Здесь он отсекает мечом голову еврею и с помощью волшебного замка переносит принцессу и королевский дворец на старое место. Отдельные мотивы сказки имеют бытовой характер и получают пародийное, ироническое звучание. Бед-

ный торгаш-еврей вспоминает о тех днях, когда он нес свой узелок при жарком палящем солнце и «как он вечером на шаббат ходил со своей Ребеккой гулять при свете луны. И он представил себе, что возможно, как раз сейчас солнце освещает чумазные лица его шести шалунов, или в это мгновение его Ребекка как раз запеваёт: «Прекрасная луна! Ты восходишь так тихо!» Авторская ирония здесь очевидна: еврейство по своей практической, торгашеской и филистерской сущности никогда не может быть носителем романтических идеалов³⁰. В сказке (15), сюжетно близкой к предыдущей, еврей за хорошую плату покупает на время у одного крестьянина сына, которого затем использует, чтобы добыть волшебные вещи. Но те попадают к юноше и он вместе с золотыми шарами возвращается домой. Крестьянин пытается продать их на базаре и встречает еврея, который так стремительно подходит к нему, «как это обычно делают евреи». Благодаря волшебным помощникам, юноша женится на принцессе, а еврей, обладатель чудесного зеркала, узнает об этом, мошенническим путем пробирается во дворец и становится обладателем волшебного замка. И когда он вызывает великанов, то те обращаются к нему с вопросом: «Что хочет от нас проклятый еврей?» С помощью волшебного помощника – белой кошечки – юноша побеждает злодея.

В «сказке-соревновании» между евреем и королем (13), как и в других текстах подобного рода, всегда посрамляется еврей-антагонист. Хвастаясь удивительными предметами,

он вызывает короля на спор, ибо в случае победы он может стать обладателем половины королевства. Но младший сын короля с помощью волшебного помощника – ночной шапочки – добывает более прекрасные вещи. Проигравшего еврея ждет виселица, но королевской милостью он отпускается на свободу.

У некоторых авторов антисемитские мотивы вводятся в традиционный сказочный сюжет, героем которого является бедный солдат, возвращающийся со службы домой (Андерсен, Гриммы и др). Обретя сокровища и волшебное огниво (варианты: чудесную трубку, волшебный ранец) с помощью сказочного персонажа, он, попадая на постоянный двор, вызывает к себе еврея, чтобы тот немедленно добыл ему прекрасное платье и лучших лошадей (17). Или оказавшись в городе, и попав на «Еврейскую улицу», он загоняет всех евреев в волшебный ранец, но после их мольбы, криков и восклицаний, выпускает на волю.

Еврей в волшебной сказке всегда антагонист добрых сил. Придворный врач-отравитель, знаток магии и колдовства, он близок к сказочным образам чудовищ, ведьм и т. д. В сказках новеллистических, записанных в разных немецких землях, функция героя меняется: он предстает в «секуляризированном» облике, жанровая «необходимость» снимает с еврея налет демонизма, характеризующий его образ в волшебной сказке, и «конструирует» его в рамках бытового фольклорного жанра как ростовщика, живущего на проценты, об-

манщика, торгаша и т. д.

В одной из сказок и ее вариантах (6, 7, 8, 9) воссоздается сюжет об убийстве еврея с целью ограбления портняжкой, подмастерьем, слугой короля (Бехштайн, Гримм, Мейер). Еврей выступает здесь как жертва, но изменение функции героя не снимает антисемитского налета сказок, проявляющегося во всевозможных антисемитских сентенциях: «У евреев всегда есть деньги»; «Без денег никто из обманщиков (Mauschel) не путешествует» и др. Преступника христианина выдает «куропатка» или «ясное солнце». В варианте Прёле «Солнце все раскроет» (10) происходит простая метатеза: главный герой и антагонист меняются местами. Теперь еврей встречает посыльного, нагруженного деньгами, и убивает его. Этот принцип замены «злого» персонажа на еврея довольно типичный для немецкой сказки.

В бытовой сказке, тяготеющей к анекдоту, соперничество еврея с традиционным сказочным героем Гриммов Гансом оборачивается не в его пользу. Еврей становится участником проделок хитроумного Ганса (23), обманывая хозяина постоянного двора. Слабоумный Ганс добивается от евреев выплаты денег за мнимое убийство матери. Еврей отсчитывает обманувшему его портному 100000 марок за «волшебную шляпу», а когда еврей обучился пению, портной отрезает у него язык (21). Сын мясника пользуется ужом с деньгами, забытым евреем у источника (22). Еврей становится персонажем сказок, возникших под влиянием знаменитых грим-

мовских сюжетов о семерых швабах, в столкновении с которыми он всегда проигрывает. Швабы, торгуясь с евреем, надувают его и не отдают купленной им у них медвежьей шкуры (20). Швабы иронизируют над языком франконца, смеясь над его «еврейским» произношением (19), а таможенник, приняв их за евреев, требует от них «еврейский таможенный сбор» (Judenzoll), не берущийся с христиан (18).

Антисемитские мотивы и образы, языковые детали свидетельствуют о том, что в отдельных волшебных, новеллистических и близких к анекдоту сказках происходит воскрешение традиционного образа еврея – еврей-колдун, торгаш, спекулянт, обманщик. В 19 веке этот образ актуализируется и проявляется при отборе и записи малых повествовательных фольклорных жанров. Этот процесс прямо или опосредованно связан с поворотом немецкой культуры к национализму. Аналогичные явления характерны для жанра легенды.

Жанр легенды, как известно, отличается от жанра сказки: легенды имеют различный объем (от двух абзацев до двенадцати глав как в легенде Аурбахера о Вечном жиде); легенда «старше» сказки, ибо восходит непосредственно к Средневековью, тогда как жанр сказки сложился и получил письменное закрепление в 18–19 веках. В отличие от сказки легенда не испытала тех изменений в области поэтики, которые превратили сказку в короткую форму повествования. Легенда отличается от сказки «эпичностью», беспристрастностью

повествования и тесно связана с историческими и судебными хрониками. Жанр легенды приурочен к определенному месту и времени, включает в себя имена, географические и этнографические наименования, исторические реалии. Но, с одной стороны, легенду сближает со сказкой категория фантастического, которая в легенде восходит к христианскому мифу, с другой – система мотивов и образов, особенно в легенде антисемитской, основывается на сложившихся в Средневековье представлений-клише, «историчность» и реальность которых вызывает сомнение, ибо рефлексия событий и их причин является плодом средневековых суеверий. В антисемитской легенде толкование образа «семитского» персонажа изначально определено заданной ему в составе средневековой культуры функцией.

На христианском мифе строится легенда о Вечном жиде. Тема «Вечного жида» впервые появляется в тексте 1602 года, однако сам текст восходит к 12 столетию. История этой легенды свидетельствует о ее дальнейшей трансформации, ибо редакция 1602 года (см. Приложение I, № 99), по мнению некоторых авторов, не была враждебна еврейству, а фигура Агасфера подавалась в достаточной степени позитивно. Легенда, как в случае с «Историей о Вечном жиде» Аурбахе-ра (28), начинала служить пропаганде против еврейской религии и приводила героя к признанию христианства, к надежде на искупление. Возвращение христианского Искупителя связывалось с судьбой еврейства, которое в лице Агасфера

должно было необходимо прийти к христианству, а «вина» евреев в распятии Господа могла быть снята, в связи с этим, лишь в Судный день. Последним доказывалось превосходство христианства над иудейством – мотив, имеющий ясную антисемитскую направленность. Герой легенды отказал Христу, идущему с крестом на Голгофу, в кратком отдыхе на скамейке своего дома и прогнал его, называя «осквернителем шаббата и соблазнителем народа». Христос проклял его и отныне Агасфер вынужден был вечно странствовать, не зная ни покоя, ни отдыха. Так Агасфер превратился в «Вечного жида», странствующего по городам и селам Европы и Средиземноморья. Стремясь умереть, он принимал участие в боях гладиаторов в Риме, искал гибели в Иерусалиме, низвергался в Этноу, но продолжал жить. В конце концов он пришел к христианству и стал ожидать искупления и вечного спасения с грядущим явлением Иисуса Христа народу. В дальнейшем в легендах о Вечном жиде усиливалась антисемитской тенденции, так как они стали строится на конфликте иудейства и христианства, авторами стали вводятся антисемитские мотивы и детали³¹. Агасфер превращался из отдельной личности в символ всего еврейства, распыленного по всему свету. В легендах стал преобладать традиционный мотив о том, что евреи, эмансипированные или ортодоксальные, неспособны к ассимиляции, несут в себе «вечное проклятие» их религии. Евреи становятся на примере Агасфера адскими злодеями, предавшими Христа в стихотворной легенде Арнима (29).

Аурбахер сообщал в примечаниях, что легенда записана им из уст его кормилицы, причем для доступности легенды читателям он изложил ее на верхне-немецком, избегая «низкого» диалекта, на котором он ее услышал, «полного идиотизмов»³². Другие легенды не чуждаются особенно-стей языка рассказчика, прикрепленного чаще всего к крестьянской среде. «Вечный жид» в народных легендах продолжает путешествовать, проходит по городам и сёлам Германии. Его образ то обмирщается, то обрастает мифологическими характеристиками: он может предсказать ужасное событие (30); город, который неприветливо встречает его, подвергается опустошению и гибели (27, 31, 32). Жуткого вида, с длинной седой бородой, с истерзанным лицом, он всегда остается вдали от изображения креста (33). Он бродит босиком; ни голод, ни жажда не томят его. Он успокаивается лишь вечером на Рождество или в ночь Нового года, если найдет в поле плуг, на котором может отдохнуть (35, 36) и т. д.

В русле христианского антисемитизма, оказавшего влияние на фольклор, получили большое распространение легенды об Иуде и Антихристе. Эти два образа, имеющие негативные нравственные характеристики, также превратились в символ всего еврейства. Иуда Искарот, один из 12 апостолов, наделяется в легендах волей к предательству, вложенной в него самим дьяволом. Еще в чреве матери ему предска-

зана злодейская роль в истории с Христом и то, что он явится причиной грядущей гибели иудейского народа. Иуда ставится в один ряд с отцеубийцами и кровосмесителями (83), становится символом жадности, бесчестности и зависти (84). Предательства Иуды прямо предвосхищает выступление Антихриста.

Уже с IX века христианские теологи уподобляют еврея Антихристу, отождествляют Антихриста с еврейским Мессией, образно говорят о евреях, «меняющем свой облик и принимающем вид чудовища», а сам иудаизм именуется «религией Сатаны». Согласно разным вариантам легенд, Антихрист рожден 70-летней еврейкой и 90-летним старцем (84), зачат в Вавилоне змеей и Вавилонской блудницей – дряхлой еврейкой (85). Противник Христа, он явится в конце времен, возглавит борьбу против Господа, объединив вокруг себя евреев, будучи их Мессией, пришествие которого они давно ожидают. Многие христиане отпадут от веры, останется лишь малая горстка (84), но пророки Енох и Илия истребят Антихриста, низвергнув его на землю (или это сделает архангел Михаил) (86), и затем воцарится новое, очищенное от скверны царство Христа.

Центральное место среди антисемитских легенд занимают легенды о «кровоточащей гостии» (Bluthostie), получившие на территории немецкого языкового пространства гигантское распространение, и о ритуальном убийстве. Гостия (от *лат.* «hostia» – жертва) в католичестве – хлеб причастия

в виде облатки пресного теста, сделанного из пшеничной муки. На гостии обычно изображались крест и агнец как символы искупительной жертвы Христа. «Католическая вера не знает более сильного и проникновенного переживания, чем сознание действительного и непосредственного присутствия Божия в освященной гостии. В Средние века, также как и теперь, это переживание стоит в центре религиозной жизни»³³. Еврей, которому приписывается осквернение гостии, издевается над Исккупителем и Девой Марией, над чувствами верующих, бытовая жизнь которых «была проникнута религией до такой степени, что возникала постоянная угроза исчезновения расстояния между земным и духовным»³⁴. В еврее христианство обретает, таким образом, реального врага.

Легенды об осквернении евреями гостии строятся по одному сценарию. Еврей ночью пробирается в церковь и крадет сосуд с гостией, но не может с добычей сдвинуться с места, поэтому ломает ее и остается с кровавыми руками (37). Еврей подговаривает христианскую служанку похитить за большие деньги гостию. Евреи покупают гостию то у хранителя церкви, то у старой женщины требуют ее за долги, то подговаривают выкрасть гостию одного бедняка (42, 53). Затем евреи колют гостию ножами и шилами, а когда из нее течет кровь, впадают в страх (38, 39, 40, 47). Поэтому стремятся избавиться от гостии, бросают ее в горящую печь, в реку. Но гостия не тонет и не сгорает. Она издает свечение, ее находят христиане и она возвращается процессией в церковь.

Иногда похищенные гостию или части от них евреи рассылают в другие города и деревни Германии для той же «процедуры» (39). За совершенное ими злодеяние евреи после страшных пыток и признания вины, в том числе и их помощники, расплачиваются своей жизнью, чаще всего сожжением на костре. На том месте, где была найдена освященная гостия, воздвигается капелла или монастырь, становящиеся центром паломничества (48).

Подлинные причины возникновения в легенде образа еврея – осквернителя гостию, убийцы христианских младенцев – имеют исторический характер и требуют исторической реконструкции событий, «скрытых» в легенде. В одной из легенд (37) отмечается, что «возникновение большинства монастырей и церковных учреждений очень часто обязано суевериям народа, которые клиры того времени сознательно использовали. Там, где происходило необычное явление природы, где человеческое поведение казалось результатом сверхъестественных сил – все это было на руку духовным пастырям, чтобы возвысить явление до символа веры, добавить к нему то, чего еще не хватает, чтобы обмануть народ в целях увеличения пожертвований, или для сооружения нового для себя места жительства и благополучной жизни. История монастырей дает для этого множество примеров».

Чудо «крови Христовой» заявило о себе, например, во всей земле Бранденбург, в результате чего возникла легенда об основании женского монастыря (38, 39, 40) Поначалу о

«злодейском» осквернении гостии евреями не было и речи. Новый цистернианский монастырь святого гроба Господня, построенный на главном пути между Виттштоком и Прицвальком по соседству с деревней Техов, был создан также в почитание кровоточащей гостии в 1285 году. Легенда о том, что гостия была осквернена евреями, появилась впервые в В 1521 году и распространилась повсюду, Она была напечатана клиром во множестве экземпляров. В сообщении говорилось, что некий презренный еврей в деревне Техов выкрал однажды сосуд с освященной гостией и хотел передать его своим товарищам в Притцвальке. Но сосуд становился все тяжелее и тяжелее, так что он не мог идти дальше и зарыл сосуд под елью. Схваченный крестьянами, он признался в злодеянии и был приговорен к колесованию. Епископ приказал на месте, где была закопана гостия, построить капеллу. Примечательно, что легенда о евреях, которые дробили, кололи гостию, отчего она становилась кровавой, появилась в тот момент, когда *курфюрст* Бранденбурга находился в конфликте с епископом, дворянством и горожанами, Эти три группы населения требовали выселения евреев из города. Курфюрст настаивал на том, что евреи находятся в его владении, что он получает от них плату за защиту (Judenregal). Чтобы разжечь еще больше антиеврейские настроения среди разных групп населения, клир и распространил обвинение против евреев в осквернении святого Гроба³⁵.

Белитц – городок возле Берлина. Там в 1247 году свер-

шилось чудо: в церкви города одна из гостиЙ начала «кровоточить». Городок был основан немецкими купцами и лежал на границе славянской области. Славяне считались варварами и чудо кровоточащей гостиИ должно было послужить для их перехода в христианство. Древнейший документ, повествующий об этом чуде, помечен 1370 годом. В нем описано, как должна была выглядеть капелла, построенная позже для кровоточащей гостиИ, сколько денег было уплачено священнику, читавшему мессу и пр. Об осквернении евреями освященной гостиИ не упоминалось. Впервые легенда появилась в сочинении дьякона Белитца уже во время Реформации в 16 веке и повторялась затем бесчисленное множество раз. В сочинении «чудесная кровь» в Белитце явилась оттого, что евреи получили от христианской служанки гостию, кололи и рубили ее. Поэтому она закровоточила (47). В результате чуда была возведена капелла, где в кристальном сосуде находилась материя с кровавыми пятнами.

События в Деггендорфе (41) в 1336 году повествуют о том, что горожане «видели», как евреи глумились над гостией, но в течение целого года не было принято никаких мер. Через год появился там рыцарь Гартман фон Деггенбург, встреченный с ликованием жителями города. Со своими приспешниками и горожанами он напал на беззащитных евреев, убивал и сжигал их, присваивал их имущество. Герцог Баварский простил горожанам смерть своих слуг-евреев, выплачивающих ему за защиту Judenregal и роздал им ев-

рейское добро. Для памяти о «чуде», которое явила исколотая евреями гостия, церковь была преобразована в церковь «Святого гроба Господня», а на том месте, где была найдена гостия, возведен «еврейский алтарь» (Judenaltar). Так возникла целая волна преследований евреев в Баварии.

Экономическая подоплека легенды о гостии, как одна из многочисленных причин христианского антисемитизма, объясняет возникновение ложных обвинений, преследований и сожжения евреев. В Мекленбурге, Баварии, Саксонии, Гессене и других немецких землях под страшными средневековыми пытками добиваются от евреев признания в осквернении гостии. В Вильснаке, который был большим центром паломничества на севере, церковь владела тремя кровоточащими гостиями, которые чудесным образом не пострадали от пожара 1383 года. Этим гостиям приписывалась огромная магическая сила. «Чудесная кровь» в Вильснаке не имела ничего общего с евреями. Здесь возникла вражда церкви с рыцарем фон Бюловым, который хотел отнять у церкви в свою вотчину несколько деревень, из которых некоторые он сжег. Победу церкви обеспечило чудо кровоточащей гостии, которую похитили евреи, преданные затем смерти, и которая обусловила гигантский приток верующих паломников в церковь в Вильснаке отовсюду из Германии. Или другой пример. Епископ Шверина встречается со своими соседями епископами Ратценбурга и Каммина по вопросу, что делать с кровоточащей гостией, которую оскверни-

ли евреи. Для гостии строится капелла, где она хранится, и к которой устремляется масса прихожан, увеличивая богатство духовенства и славу о его глубокой религиозности. С великим торжеством процессия несет гостию в церковь, где она кладется в особый сосуд, пока не будет для нее построена отдельная капелла, где прихожане дважды в день могут видеть ее. «Чудо» сопровождается проповедью о злых евреях, осквернивших гостию, усиливая в религиозном сознании средневекового верующего ненависть к иудеям.

Легенды о ритуальном убийстве евреями христианских детей полностью укладываются в вышеописанную схему. Евреи, нуждающиеся в христианской крови для приготовления пасхальной мацы, покупают в Пфюрцхайме у старой женщины невинную христианскую девочку, или в деревне Ринн (Тироль) у бедного крестьянина маленького ребенка, мучают их, затем убивают (62, 63). Они похищают мальчика Вернера из Шталека, недалеко от Бахараха (60), или Андреаса из Ринна (63, 64), и для ритуальных целей вскрывают им вены. Тело убиенного они затем бросают в реку или вешают на дерево.

Образцом для многочисленных вариантов мифа о ритуальном убийстве послужила легенда о Симоне из Триента (72). В Триенте, маленьком городке на южной границе с Альпами, на пасху, исчез двухлетний сын одного кожевника. Епископ объявил, что это происки врагов христиан и прика-

зал обыскать все дома евреев. Один еврей, Самуил, нашел три дня спустя в ручье недалеко от своего дома тело ребенка. Вместе с членами еврейской общины, он сообщил о находке городским властям. Судья и епископ приказали немедленно начать пытку евреев и объявили случившееся «ритуальным убийством». Самуил и другие евреи были арестованы, а когда их подвели к телу ребенка, «оно начало кровоточить». Так свершилось чудо. Аргументы за невиновность евреев не были приняты во внимание, хотя епископа предупреждали, что в реку мог бросить тело убитого ребенка сосед Самуила, ибо проиграв процесс против него, он хотел Самуилу отомстить. Соседа допросили быстро, не применяя пыток и отпустили. Евреи же долгое время предавались пыткам, пока не «признались» в содеянном. Самуил пытался вновь и вновь объяснить, что признание, вырванное при ломании костей, при вырывании раскаленными щипцами кусков тела, несправедно, что он не виновен в смерти Симона. Однако все евреи были приговорены к смерти, их имущество перешло епископату. Уже тогда процесс над евреями подвергся критике. Расследование дела, порученное Римским Папой шести кардиналам, доказало невиновность евреев. Папа издал указ, запрещающий преследования евреев, но 14 евреев уже были казнены. Тело Симона было набальзамировано, ребенок объявлен святым. Десятками тысяч устремились в капеллу святого Симона паломники. Лишь в 1965 году папская комиссия отменила канонизацию святого Симона и объяви-

ла, что евреи Триента «стали жертвой судебной ошибки»³⁶.

История Андреаса из Ринна (63, 64) также является примером, как собственно историческое событие преломляется в средневековом сознании в легенду, претендующую на эпичность и «правдоподобие». Эта легенда, отмечают источники, до сих пор живет в долине Инсбрука и определяет идеологию сотен потомков крестьян в Тироле³⁷. Согласно этой истории трехлетний мальчик Андреас из деревни Ринн был украден и убит евреями 12 июля 1462 года. Однако, лишь в 1475 году, когда ложное обвинение евреев в убийстве Симона из Триента привело к погромам, обратились к случаю, происшедшему в Ринне. Останки Андреаса были выкопаны, убиенного признали святым и решили построить в честь Андреаса церковь у «еврейского камня», где Андреас принял «мученичество». Проводником всего этого выступил врач Гваринониус, близкий к иезуитам и противник протестантизма. Ложь о ритуальном убийстве должна была отпугнуть тирольских крестьян от влияния Реформации. Процессия паломников ежегодно направлялась к «еврейскому камню», принося известные доходы католическим духовникам. В результате, традиция ненависти так глубоко укоренилась в Тироле, что вызвала целую «поэтическую волну»: создавались стихотворения об Андреасе из Ринна, проникнутые глубокой ненавистью к еврейству, театральные пьесы.

История «добротного Вернера» из Шталека (60) позволяет увидеть, как легенда с течением времени обрастает новыми

детальями, которые возникают в силу религиозной и экономической необходимости. В 1288 году мальчика Вернера, так сообщалось поначалу в легенде, евреи замучали до смерти. Его тело стало излучать удивительное свечение. Огромное количество паломников в ожидании чуда устремилось к святому гробу Вернера. Между тем, над евреями был произведен судебный процесс, и 26 евреев были убиты в Бахарахе. Еврейская община обратилась к кайзеру Рудольфу, который был убежден в беспочвенности обвинения. Он обязал убийц евреев выплатить денежный штраф, а тело Вернера сжечь. Однако его приказ не был выполнен. Вдруг во второй половине 14 века в одной из хроник появилось сообщение, что евреи не только замучили Вернера, но и повесили его за ноги на дерево, ибо во рту у него была гостия, которую он собирался проглотить. Так в легенде появился мотив осквернения гостии. Поэтому легенда привела к почитанию Вернера как мученика и способствовала строительству капеллы в Бахарахе. Несмотря на то, что высшее духовенство отказалось канонизировать Вернера, культ его существовал долгие века. Лишь в 1963 году он был снят³⁸.

Осмеяние еврейской религии, еврейской учености, получившее в Средневековье воплощение в различных жанрах искусства, также нашло отражение в записях отдельных легенд 19 века. В средневековых сказках и фастнахтшпилях мастерзингера Ганса Фольца (1435/40-1513) с их антииудейской тематикой еврей представал как комическая фигура.

ра – плоть от плоти телесного низа. Духовный мир еврея изображался в образах экскрементов, кала, выделений и испражнений, вне всякой претензии на раблезианскую карнавальность. В теологическом диспуте религиозные воззрения иудеев сводились аллегорически к выделениям («Христианин и еврей»). Евреи посрамлялись в «Предсказывающих ягодах»: три еврея, купив у одного обманщика чудесные ягоды – шарики из экскрементов, – которые могут предсказать явление Мессии, направляются в синагогу. В смешной церемонии главный левит в синагоге пытается определить силу «ягод», сразу понимая, что они из себя представляют. Этот мотив отражается в одной из глав народной книги «Тиль Уленшпигель» (юб).

Подобные мотивы отражаются в легендах о «еврейской свиноматке» (Judensau) (72, 73), животного, которое в библейской традиции, в еврейской религии считалось вместилищем нечистой силы. В христианской символике свинья обозначала жадность, распутство и нечистоту. В средневековых миниатюрах очень часто изображались верхом на свинье шуты. «Еврейская свиноматка» была поставлена в центр изобразительного языка церковного искусства. В одной из высеченных в камне картин еврей с очками на носу держит в правой руке высоко поднятый хвост свиньи, а под ней лежит молодой еврей и сосет пороссячьи груди. На коленях стоит старый еврей, которому свинья испускает в рот из заднего прохода урин и экскременты. Рядом с евреем стоит дьявол

и держит еврея за оба плеча (72). Этим самым как бы провозглашалось, что еврейская ученость, еврейское познание — не что иное, как смехотворные усилия овладеть выделениями презренного животного. Изображение «еврейской свиноматки» находилось в Регенсбурге, Франкфурте, Магдебурге, в большом соборе Кёльна и многих других городах.

Отдельные легенды приписывают евреям и другие ужасные злодеяния: использование яда при лечении христиан и отравление колодцев; поджог христианского города и готовность к предательству; демонизм и связь с чертом как плод еврейской магии и колдовства (54, 55, 56, 90, 91). Так, еврей Липпольд с помощью волшебной книги мог «загнать» несколько чертей в стакан и держать их в повиновении, или мог изгнать чертей с помощью «четырех ореховых палочек и волос пойманного разбойника» (55), другой еврей с помощью магии смог остановить пожар, вспыхнувший в городе (91), путем колдовства евреи привели к смерти епископа (90). Евреев обвиняли в отравлении колодцев, источников, воздуха. Далекий от всякой общественной жизни немецкий плебс, настраиваемый дворянством и духовенством, был уверен, что евреи небольшим количеством яда отравили Рейн, Дунай, все реки, источники, колодцы, поля и луга. Бюргерские Советы многих городов приказывали замуравать колодцы и источники, чтобы горожане не пострадали от яда. Бюргеры поэтому использовали воду дождевую

или от растаявшего снега⁴. Некоторые легенды (104, 105), восходящие к Средневековью, строятся на «мотиве Шейлока», который получил в европейской литературе классическое выражение в «Венецианском купце» Шекспира.

* * *

В записанных в 19 начале 20 века антисемитских сказках и легендах образ еврея тесно связан со средневековой культурной и идеологической традицией. Националистическая тенденция немецкой культуры воскресила и оживила через фольклор бытующий в сознании народа уже века образ еврея-заимодавца, спекулянта и обманщика (Schacherjude, Mauschele)³⁹, отравителя, ритуального убийцу и религиозного врага. Жанры сказки и легенды предполагают определенного читателя, коими обычно являются дети и молодое поколение. Известно, что детские страхи персонализированы, что ребенок идентифицирует себя с добрыми силами, с позитивными героями. Он интуитивно ощущает, что сказка нереальна, но в то же время понимает, что подобное могло бы произойти. Драконы, ведьмы разбойники олицетворяют трудности, которые преодолеваются разрешением сказочно-

⁴ «Почти две трети еврейских общин пали в Германии жертвами злобы к евреям и ненависти к ним, например, в Базеле, Страсбурге или в Нюрнберге... Из около 350 еврейских общин в Германии 60 больших и 150 малых были полностью истреблены». См.: Handbuch der Europäischen Geschichte. Bd. 2, S. 158.

го конфликта.

Еврей в антисемитской сказке и легенде, выполняющий функцию носителя злых сил, единственный «реальный» персонаж. Он воспринимается детским сознанием как реально существующий объект, живущий, возможно, рядом, на Judengasse, одетый в странный кафтан, с большой бородой, обладающий не очень понятной речью. В сказке и легенде он перестает быть условной персонификацией зла. Антисемитская сказка снимает амбивалентность детского восприятия, когда рассказанное осмысливается одновременно как условное, вымышленное и правдивое. Сказка, снимая страхи ребенка победой «добра над злом», воскрешает эти страхи в сказке антисемитской в повседневной жизни. И еврей, которым мать пугает не желающего спать ребенка («Schlaf! Der Jud' kommt und steckt dich in den Sack!»), превращается из условного образа зла во вполне реальный. Таким образом, антисемитизм благодаря малым фольклорным жанрам формируется уже на уровне иррационального, сдвигается в область бессознательного. Какова роль этого явления для дальнейшего развития немецкой культуры в целом демонстрирует собою трагический 20 век⁴⁰.

Примечания

¹ Mona Körte: Juden und die deutsche Literatur. Die Erzeugungsregeln von Grenzziehungen in der Germanistik. In: Antisemitismus in den Wissenschaften. /Hrsg. v. W. Bergmann und Mona Körte. Berlin 2004. S. 353–374.

² См.: Martin Gubser: Literarischer Antisemitismus. Untersuchungen zu Gustav Freytag und anderen bürgerlichen Schriftstellern des 19. Jhs. Göttingen 1998. S 309–310.

³ Daxelmüller, Christoph: „Zersetzende Wirkungen des jüdischen Geistes“. Von den Schwierigkeiten der Volkskunde mit den Juden. In: Antisemitismusforschung in den Wissenschaften, S. 293.

⁴ Ibid., S. 293–294.

⁵ В 19 веке, согласно словарю, изданному во второй половине столетия, было распространено большое количество пословиц и поговорок антисемитского характера, осложняющих народное сознание и восходящих к Средневековью. Приведем только некоторые из них: «Bei den Juden ist es besser ein Schwein als ein Mensch zu sein» (У евреев лучше быть свиньей, чем человеком); «Getaufter Jud' thut selten gut» (Крещеный еврей редко делает добро); «Jud' und Weib sind ein Leib» (Евреи и женщины имеют один и тот же «характер»); «Wer einen Juden betrügt, bekommt

einen ersten Platz im Himmel» (Кто обманет еврея, получит первое место на небе); «Schlägst du meinen Juden, so schlag' ich deinen Juden» (в значении «как ты мне, так я тебе»); «Da habt ihr euren Juden» (в переносном значении – случившееся несчастье) и др. См.: Deutscher Sprichwörter-Lexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. / Hg. v. K. F. W. Wander. Bd. 1–5. Leipzig: Brockhaus 1867–1880. Bd. 2, S. 1034, 1037–1039. О происхождении и значении антисемитских клише в немецкой культуре см.: Waldbauer, Peter: Lexikon der antisemitischen Klischees. Antijüdische Vorurteile und ihre historische Entstehung. Mankau – Verl. 2007; Elvira Grözingen: Die schöne Jüdin: Klischees, Mythen und Vorurteile über Juden in der Literatur. Frankfurt a. M. 2003.

Во время господства нацистской диктатуры, в 1942 году, в целях антисемитской пропаганды была издана книга Эрнста Химера, ответственного редактора «Штюрмера», «Евреи в пословицах (поговорках) народов». См. факсимиле книги: Hiemer, E.: Der Jude im Sprichwort der Völker. Leipzig 2016. Книга была рассчитана на все слои немецкого общества и, прежде всего, на «маленького человека». Автор собрал 1200 пословиц и поговорок антииудаистской направленности, причем источником большей их части был немецкий фольклор. Воздействие книги на «народное» сознание переоценить нельзя. В известной мере в качестве источника для него послужил отмеченный выше многотомный словарь Вильгельма Вандера, где было собрано более 700 выра-

жений, в которых отражалась антисемитская рефлексия еврейского образа в народном сознании.

⁶ Г. Хартвиг определяет развитие антисемитской линии в культуре Германии как движение от «христианского антииудаизма», развивавшегося на теологической основе (евреи – убийцы Христа) к «христианскому антисемитизму», основывающемуся на легендарном сознании и народных поверьях и, наконец, к антисемитизму романтическому, где большую актуальность приобрела «магически-сатанинская основа средневекового антисемитизма», на который в большой степени повлияли народнорелигиозные представления». См.: Hartwich, W.-D.: Tragikomödien des Judentums. Wilhelm Hauffs Mitteilungen aus den Memoiren des Satans. In.: Hauff oder die Virtuosität der Einbildungskraft. Göttingen 2005, S. 95–96. См. также: Hartwich, W.-D.: Romantischer Antisemitismus. Göttingen, 2005.

⁷ Achim von Arnim: Vorschlag zu einer deutschen Tischgesellschaft. In: Philister – Kleinbürger – Spießer. Normalität und Behauptung. Hg. von Gerd Stein. Frankfurt a. M. 1985, S. 26–27.

⁸ См. Тураев С. В. Революция во Франции и немецкая литература. М., 1997. С. 58–62.

⁹ См.: Antisemitismus bei Kant und anderen Denkern der Aufklärung. Hg. v. Horst Gronke. Würzburg: Königshausen: Neumann 2001, S. 26–28; 129–150.

¹⁰ Ibid., S. 132.

¹¹ Johann Gottlieb Fichtes sämtliche Werke in 8. Bde. Hg. v. J. H. Fichte. Bd. 6. Berlin: Veit u. Comp., 1845–1846, S. 148–150.

¹² Ibid., S. 256. Метафора Фихте стала реальностью в годы господства национал – социализма, унесшего шесть миллионов еврейских жизней.

¹³ Здесь Фихте имеет ввиду романские языки, в частности французский. См. об этом: Johannes Heinrichs: Nationalsprache und Sprachnation: Zur Gegenwartbedeutung von Fichtes «Reden an die deutsche Nation». In: Kosmopolitismus und Nationalidee: Fichte-Studien. Hg. v. K. Hammacher u. a. Amsterdam-Atlanta 1990, S. 51–72. Только немцы, отмечал Фихте, владеют «живым первоначальным языком», независимым, возникшим вне влияния латинского, в отличие от языка французов. Такой «независимый» язык является важнейшим показателем внутреннего превосходства любого народа. С этой точки зрения, с немцев начинается образование нового человеческого рода, ибо они, вырвавшись из пут Просвещения, свою «самость» реализуют через «немецкость» (Deutschheit)». См. об этом: Volk, Nation, Vaterland / Hg. v. U. Herrmann. Hamburg: Meiner 1996, S. 234. Националистическая идея Фихте о превосходстве немецкого языка имела своих дальних предшественников. Анонимный автор «Книги ста глав» (нач. 16 в.), «ре-

волюционер Верхнего Рейна», предлагавший немецким императорам модель идеального государства, основанного на господстве «божественного права», без всяких свойственных Фихте метафизических тонкостей, писал, что «первые люди на земле, начиная от Адама, говорили на немецком (allemanisch), и все хорошее, что когда-либо было создано, было немецким». См.: «Oberrheinischer Revolutionär»: Das Buch der hundert Kapitel. VEB, Verlag der Wissenschaften. Berlin 1967, S. 32. Позднее, во второй половине 19 века, антисемитизм романтиков трансформируется в «национально-политический», проявляющийся в борьбе с космополитизмом (читайте, с антисемитизмом) и в торжестве национальной идеи о святой миссии немецкого народа, отличного от других и имеющего особые задачи. Последние обусловлены тем, что «...он находится в центре европейских народов, его позиция, протестантская культурная задача обусловлены географическим положением» (как тут не вспомнить достаточно живучую славянофильскую идею об особой миссии русского народа). См.: Hedda Gramley: Propheten des deutschen Nationalismus: Theologen, Historiker und Nationalökonomen (1848–1880). Frankfurt a. M.: Campus Verl., 2001, S. 82–84.

¹⁴ См.: Richter, Mattias: Die Sprache der jüdischen Figuren in der deutschen Literatur (1750–1933). Studien zur Form und Funktion. Göttingen: Wallstein 1995.

¹⁵ Brentano, Clemens: Der Philister vor, in und nach der

Geschichte. Scherzhafte Abhandlung. Zürich 1988, S. 15–16.

¹⁶ Ibid., S. 15–16.

¹⁷ Ibid., S. 15. Гюнтер Остерле отмечает наличие в сочинении Брентано множество парадоксальных сентенций, живописных формул и «курьезных глупостей» (kuriose Blödeleien). Например: «философствующий филистер есть ни что иное как тюлень» (Ein philosophierender Philister ist = ein Seehund) или «молящийся филистер подобен летающей кошке» (Ein betender Philister ist = einer fliegenden Katze) и др. См.: Oesterle, Günter: Juden, Philister und romantische Intellektuelle: Überlegungen zum Antisemitismus in der Romantik. Athenäum, Heft 2/ 1992, S. 56.

¹⁸ См.: Kleßmann, Eckhart: Romantik und Antisemitismus. In: Monat, Heft 249, Juni 1969, S. 66.

¹⁹ См. об этом подробно в книге: Peter G. Pulzer: Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich (1867–1914). Göttingen: Vandenhoeck-Ruprecht 2004.

²⁰ Paul Anton de Lagarde: Deutschtum und Judentum. In: Klassiker des Protestantismus in 8. Bde. Hg. v. Ch. M. Schröder. Bd. 8. Der Protestantismus im 19. und 20. Jh. Bremen: Schöningh 1965, S.184–185.

²¹ Bechstein Ludwig: Vorrede. In: Bechstein, L.: Deutsches Sagenbuch. Leipzig: Georg Wigand 1853, S. 10–11. Отдельные легенды с антисемитским подтекстом Бехштайн все-таки по-

местил в сборник, но последние обладают «сдержанным» антисемитизмом.

²² Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., «Academia», 1928.

²³ Musäus, J. K. A.: Vorbericht an Herrn David Runkel. In: Musäus, J. K. A.: Volksmärchen der Deutschen. Nach dem Text der Erstausgabe von 1782–1786. München: Winkler 1976, S. 10.

²⁴ Например, в одной из легенд о Рюбецале герой обращается к горному духу с просьбой, дать ему займы 100 талеров, на что тот отвечает: «Что я по твоему ростовщик или еврей, который дает деньги под проценты?»

²⁵ См.: Maren Clausen-Stolzenburg: Märchen und mittelalterliche Literaturtradition. Heidelberg: Winter 1995, S. 78. Один из эпизодов сказки Музеуса о Рюбецале в какой-то степени предваряет сюжет «Еврея в терновнике» Гриммов. Здесь великан признается, что хотел бы помочь одному старому еврею, слушающему под деревом с наслаждением пение птицы. С помощью магической флейты он вынуждает еврея танцевать в терновнике.

²⁶ См.: Neuhaus, Stefan: Märchen. Tübingen: Narr Francke Attempto Verl., 2005, S. 4–5.

²⁷ Мы приводим в сборнике первый вариант сказки (1815) и последний в переводе П.Н. Полевого, вышедший при жизни Гриммов (1857). См. № 2, 3. Переводы П.Н. Полевого были в известной степени адаптированы для детского чтения, поэтому в описываемой нами сказке вместо наименования

«еврей» употреблялось «ростовщик» или «вор». Мы посчитали нужным изменить его на оригинальное наименование «еврей». Новый перевод сказки с научным комментарием Э. Ивановой был нам во время подготовки предисловия недоступен. Об антисемитской тенденции сказки см. Korn, E.: *Der Märchenheld als Judenfeind: Antisemitismus in dem Brüder Grimm-Märchen «Der Jude im Dorn»*. In: *Praxis Deutsch* 17 (1990), Heft 103, S. 41–51.

Сюжет сказки получил воплощение у сказочника, однопамильца Гриммов, Альберта Гримма (Grimm, Albert Ludewig, 1786–1872). Буквально через год после появления 2 тома сказок Гриммов (1815), куда под № 24 вошел «Еврей в терновнике, в сборнике А. Гримма «Книга сказок для Линны» («*Linas Märchenbuch*», 1816) была напечатана «Веселая сказка о маленьком Фридере и его скрипке» («*Ein lustiges Märlein vom kleinen Frieder mit seiner Geige*»). В сказке антагонистом маленького Фридера, владеющего волшебной скрипкой, является «толстый и упитанный монах», который в пост ест скоромное, несмотря на религиозный запрет («Если никто не видит, я ем мясо и в пост. Это не грех»). Фридер сбивает для монаха птицу, заставляет монаха, играя на волшебной скрипке, плясать в наказание в терновнике. Автор отмечал, что он зимствовал этот «письменно» распространенный сюжет у Якоба Айрера (Jakob Ayrer, 1544–1605), ученика Ганса Сакса, у которого этот сюжет драматизирован, и что эта сказка в народе встречается очень редко. Альберт

Гримм, в отличие от классиков сказочного жанра, сохранил в «Маленьком Фридере» антиклерикальную направленность источника. Все это свидетельствует о большой роли «лично-го элемента» в трансформации сказки у Братьев Гримм.

²⁸ О наблюдениях над языком сказки см.: Richard Faber: Sagen lassen sich die Menschen nichts, aber erzählen lassen sie sich alles: Über Grimm-Hebelsche Erzählung. Würzburg 2002, S. 147.

²⁹ В дальнейшем в скобках указывается номер сказки или легенды, помещенных в настоящем сборнике.

³⁰ Романтический взгляд на еврейство, враждебное отношение романтиков к современному реальному еврею, эмансипированному или ортодоксальному, получило исчерпывающее обоснование в статье: Liliane Weissberg: Kann ein Jude Romantiker sein? In: Romantischer Religiosität. Hg. v. A. von Bormann. Königshausen: Neumann 2005, S. 265–284.

³¹ См. например: Gimdula van den Berg: Gebrochene Variationen: Beobachtungen und Überlegungen zu Figuren der Hebräischen Bibel in der Rezeption von Elie Wiesel. München 2001, S. 156.

³² Aurbacher, L.: Ein Volksbüchlein. Enthaltend: Die Geschichte des ewigen Juden. Leipzig: Reclam (um 1878/79), S. 191.

³³ Хейзинга, Й. Осень Средневековья. М., Наука, 1988, с. 169. Легенда о «кровоточащей гостии» восходит к древню-

сти, ко времени распятия Христа. Гостия, в отличие от других церковных реликвий, занимала в Средневековье главное место, ибо наряду с традиционным значением (пресуществление тела Христова в гостии), демонстрировала в отдельные дни так называемое «чудо крови» – чудесное появление крови на облатке пшеничного теста. Гостия, после помещения в вино, сохраняемая затем в особом сосуде, была подвержена возбудителю, т. и. грибку гостии (Hostienpilz), отчего она покрывалась пятнами, по цвету напоминающими кровь, что доказывало сопричастие в гостии крови Христовой. Культ «кровоточащей гостии» порождал легенды о чуде, вызывал массовое паломничество к месту ее хранения, для нее строились отдельные капеллы и т. д. См.: Wörterbuch Kirchengeschichte. Von G. Denzler u. C. Andresen. 5. Aufl. München: Taschenbuch Verl., 1997, S 135.

³⁴ Хейзинга. Там же, с. 170.

³⁵ Здесь и далее использованы следующие источники: Schubert, R. Hirsch, R.: Der gelbe Fleck: Wurzeln und Wirkungen des Judenhasses in der Geschichte. Berlin: Rütten u. Loening 1989; Gerhard Czermak: Christen gegen Juden: Geschichte einer Verfolgung. Rowolt 1997; Rohrbacher, St., Schmidt, M.: Judenbilder: Kulturgeschichte antijüdischer Mythen und antisemitischen Vorurteile. Rowolt 1991.

³⁶ Der gelbe Fleck, S. 152–153. См. также: R. Po-Chia Hsia: Trient 1475. Geschichte eines Ritualmordprozesses. Frankfurt

а. М.: Fischer, 1997.

³⁷ Ibid., S. 154.

³⁸ Высшее духовенство Средневековья часто сомневалось в реальности возводимых на еврейство обвинений в ритуальных убийствах христианских младенцев. Опровержение этих обвинений звучало неоднократно с папской кафедры. Так Григорий X (1272) прямо утверждал: «Совершенно неверно, что евреи... тайно убивают христианских мальчиков и приносят в жертву сердца и кровь этих мальчиков. Ведь еврейский закон прямо...запрещает приносить в жертву или *употреблять* (человеческую) кровь. Евреям даже нельзя пить и есть кровь (кошерных) животных, имеющих раздвоенное копыто». Цит. по кн.: Кеннет Стоу. Отчужденное меньшинство. Евреи в средневековой латинской Европе. Иерусалим/ Москва, 2007, с. ш. Живучесть мифа о ритуальном убийстве «освидетельствована» событиями в Советском Союзе в 60-е годы. Илья Оренбург в письме к И.И. Демичеву (26.10.1962) отмечал, что Николай Наумович Бомзе (1903-?) был арестован в Цхалтубо в июне 1962 года по средневековому обвинению в ритуальном использовании крови христианских младенцев. См.: Эренбург, И. На цоколе истории. Письма 1931–1967. М., 2004. Об аналогичном деле в Дагестане в 1960 году Эренбург писал в ЛГЖ.

³⁹ В истории культуры возникают слова, получающие в ней ключевое значение. К таким словам относится слово

Mauschel. В современном языке оно обозначает: «обманщик, тайно обдeldывающий свои делишки». Но раньше слово и его варианты уничижительно обозначали: «еврей-торговец, обманщик и спекулянт»; обладали значениями «бесчестно поступать как еврей», «говорить на непонятном еврейском жаргоне» и т. д. Уже Аделунг отмечал «этническую» семантику слова, обозначающую еврея в обыденном языке (Adelung, J. Ch.: Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart. Bd. 3. Leipzig 1798, S. 123). Слово *Mauschel* стало «боевым оружием» немецкого антисемитизма (См.: Althaus, H. P.: *Mauscheln: Ein Wort als Waffe*. Berlin: de Gruyter, 2002). Слово и производные от него варианты встречаются в текстах Мюллера-Живописца, Гюнтера, Гофмана, Гейне и многих др. В различных вариантах и дополнительных значениях слово выступает в антисемитских сказках и легендах. Так например, крестьянин обращается к еврею, называя его *Mauschel* (5); герой Итциг получает один золотой, иронически определяемый как добыча *C Mauschele*) еврея (86). В сказке Бехштайна звучит фраза: «*Jud, du lügst! Ohne Geld reist kein Mauschel*» (7), а придворный еврей-отравитель *mauschelte* с принцессой (и).

Не менее весомым в антисемитской ориентации культуры было слово *Schacherjude*, имеющее уничижительное значение «еврей-мелкий торгош и заимодавец», занимающийся, с точки зрения христианства, аморальной, бесчестной деятельностью (Pierers Universal-Lexikon der Vergangenheit

und Gegenwart. Bd. 9. Altenburg: Pierer 1860, S. 155). Образ *Schacherjude* встречается во многих сказках и легендах (и, 13,19, 20).

⁴⁰ О психоаналитическом аспекте антисемитизма см.: Rudolph M. Loewenstein: Psychoanalyse des Antisemitismus. Frankfurt am Main 1967.

В немецкой культуре первой трети 20 века актуализировались фольклорные жанры с антисемитской направленностью. Для народного «просвещения», а затем в целях пропаганды, появлялись драматические переработки отдельных сказочных сюжетов. Так Бланшетта Вальтер (1891–1959), писатель и художник, СС-фюрер в эпоху национал-социализма, создавал в эти годы драматические переработки сказок братьев Гримм, Гофмана, Гауфа и др. Его перу принадлежит «Волшебная скрипка» («Die Zaubergeige») – антисемитская пьеса, написанная по мотивам «Еврея в терновнике». Пьеса была предназначена для детства и юношества, имела большой успех во всей Германии, переиздавалась несколько десятков раз. В ней подмастерье Ганс, получив зарплату в три пфеннига от мастера, встречал еврея и заставлял его танцевать в терновнике, пока тот не отдавал ему мешок дукатов со всеми отсюда вытекающими дальше «сюжетными» последствиями. Значение этой пьесы для читающих ее и слушающих переоценить нельзя. Антисемитская тенденция культуры обусловила также появление целого ряда игр для детей и юношества. Так, значительным успехом пользо-

вавалась настольная игра под названием «Juden raus!», появившаяся в 1936 году. На игровой доске находились карикатурные еврейские фигуры и шесть лачуг, в которых евреи броском кубика «отправлялись в Палестину». В 1938 году было продано более миллиона игр.

Сказки и легенды

1. Чудесный холст

Две девушки-швеи, одна из которых была очень умная, а другая очень глупая, унаследовали кусок старого холста, который имел свойство делать деньги и давал им средства к

жизни, кроме шитья. Однажды, когда старшая ушла в церковь, к глупой пришел еврей, продать прекрасный кусок нового холста, или поменять его на старый. «Есть у вас, что продать?» (..) Глупая идет и отдает еврею старый холст за кусок нового, а еврей доподлинно знает о назначении старого.

Когда старшая пришла домой, она сказала: (...) «Я должна добыть нам немного денег». – «Это хорошо, я тоже, когда тебя не было здесь, получила за наш старый кусок холста новый и лучше прежнего» (...)

(Затем еврей превращается в собаку, а две девушки в кур, но позднее они снова превращаются в людей и избивают собаку до смерти.)

2. Еврей в терновнике

У одного крестьянина был верный и прилежный слуга, который служил ему уже три года, не получая за это никакой платы. Тут ему пришло в голову, что он задаром не хотел бы работать, пошел к своему господину и сказал: «Я долгое время служил вам ревностно и честно, поэтому очень верю в то, что вы уплатите мне то, что по господнему праву принадлежит мне». Но крестьянин был скрягой и знал, что слуга нрава наивного, взял три пфеннига и дал ему. За каждый год один пфенниг, и таким образом они были в расчете.

Слуга посчитал, что в руках у него большое богатство, и подумал: «Как долго ты еще будешь киснуть, ты можешь идти в мир, заботясь о себе, будучи веселым и свободным. За сунь свои деньги в мешок и иди с удовольствием путешествовать через горы и долины».

Когда он пришел, напевая и подпрыгивая, на одно поле, перед ним возник маленький человечек, который его спросил, отчего он так весел. «Ай, почему же я должен печалиться; я здоров и у меня чертовски много денег, я избавлен от всяких забот. То, что я заработал за три года у моего господина, я сохранил; и все это мое». «Как велико твое богатство?» – спросил человечек. «Три целых пфеннига» – ответил слуга. «Подари мне твои три пфеннига, я очень бедный человек!». Слуга был очень великодушным, сжалился

над ним и отдал ему деньги. Человечек сказал: «Так как у тебя чистое сердце, ты можешь загадать три желания: за каждый пфенниг одно; и ты получишь то, чего только пожелаешь». Это доставило слуге большую радость и он подумал: лучше иметь вещи, чем деньги, и сказал: «Во-первых, я бы хотел иметь пищаль, которая поражает любую цель; во-вторых, такую скрипку, на которой я, если заиграю, то все, кто ее услышит, пустились бы в пляс; в третьих, о чем бы я ни попросил людей, они не могли бы мне в этом отказать». Человечек ответил: «Все это ты получишь», – вручил ему скрипку и пищаль, и тот пошел своей дорогой.

Слуга, бывший до этого очень довольным, стал считать себя вдесятеро удачливее. Он шел не так долго и встретил одного старого еврея. Рядом стояло дерево, а наверху, на самой верхней ветке, сидел маленький жаворонок и пел, и пел. «Божественное чудо, что может это маленькое создание. Если бы оно было моим, я многое отдал бы за него». «Коли только за этим дело стало, он сейчас окажется внизу» – сказал слуга, взял свою пищаль и выстрелил в жаворонка так метко, что тот упал с дерева. «Поди и вытащи его оттуда!». Но птица упала глубоко в терновник, растущий под деревом. Тут еврей стал продираться сквозь кустарник, и когда он уже залез в самую середину, мой слуга вытащил скрипку и начал наигрывать, а еврей стал приплясывать и не мог остановиться, подпрыгивая все сильнее и выше. Терновник так изодрал его платье, что вместо него на нем висели одни лохмотья, так

исцарапал и ранил его, что все его тело было в крови. «*Вей из мир*⁵, — кричал еврей — останови, господи, эту музыку.

Какое преступление я совершил?» Достаточно ты бесчестил людей, думал веселый слуга, поэтому тебя не обидишь, и продолжал наигрывать «музыку для прыжков». Тут еврей перешел к просьбам и обещаниям, предлагая дать деньги, если он прекратит играть. Сколько бы денег еврей не предлагал, это не устраивало слугу, и он продолжал дальше играть, пока еврей не предложил ему сто гульденов, которые были у него в мешке, и которые он получил, обсчитав одного христианина. Как только слуга увидел много денег, он сказал: «При таком условии, да!» Он прекратил игру на скрипке, взял мешок, затем довольный и успокоенный пошел дальше своей дорогой.

Еврей выбрался из терновника жалкий и наполовину голый. Поразмыслив, как он может отомстить, он устремился за «подмастерьем зла», прибежал, наконец, к судье и пожаловался, что он, совершенно невинный, был ограблен одним злодеем и при этом избит, и вызывая у судьи жалость, сказал: «Молодец, который сделал это, носит на спине пицаль, а на шее скрипку». Тут судья призвал сыщиков и посыльных, которые должны были поймать слугу, где бы они его не увидели. Вскоре он был схвачен и доставлен в суд. Еврей стал жа-

⁵ «Горе мне» (*идиши*): выражение персонажа, употребляемое во многих сказках и легендах, чтобы подчеркнуть его этническую принадлежность к еврейству. В некоторых сказках и легендах выступает в «сокращенном» варианте: «*Au weih*».

ловаться на то, что слуга ограбил его, присвоил деньги, а тот сказал: «Нет, ты дал мне их, потому что я для тебя играл». Но судья быстро завершил дело и приговорил слугу к смерти через повешение. Тот стоял уже с веревкой на шее на ступеньке лестницы и вдруг сказал: «Господин судья! Не выполните ли вы мое последнее желание?». «Если ты не просишь сохранить тебе жизнь, тогда выполню!». «Нет, дело идет не о моей жизни; позвольте мне в последний раз поиграть на моей скрипке!». Тут еврей закричал: «Упаси, господи! Не разрешайте ему, не разрешайте ему!». Но суд постановил: один раз он имеет право, и посему да будет так! Они не могли ему отказать еще и потому, что он имел такой дар: в просьбе ему отказать никто не мог. Еврей же закричал: «Ради бога, свяжите меня!». Мой слуга, тем временем, взял скрипку, и только один раз провел по ней смычком, как все сразу дрогнуло и стало двигаться: судьи, писцы, охранники и никто не смог связать еврея. И он второй раз провел смычком – палач выпустил его из своих рук и тоже заплясал. Когда он заиграл вовсю, затанцевало все вокруг: впереди еврей и судейские, а за ними люди на базарной площади, пришедшие сюда из любопытства. Поначалу было очень весело, но так как игре и танцам не предвиделось конца, то они все жалобно кричали и просили его остановиться. Но он этого не сделал, пока судья не подарил ему не только жизнь, но и пообещал также оставить сто гульденов. И еще он обратился к еврею: «Негодяй, признайся, откуда у тебя деньги, иначе я не перестану

играть!». «Я украл их, я украл их, а ты их честно заслужил» – громко закричал еврей, чтобы все слышали. Тут мой слуга оставил в покое свою скрипку, а негодяя повесили вместо него на виселице.

3. Еврей в терновнике

Жил однажды на белом свете богач, и у того богача был слуга, который служил ревностно и честно, вставал каждое утро раньше всех и позже всех ложился вечером, и где была тяжелая работа, другим не по силам, там он всегда первый за нее принимался. При этом он ни на что не жаловался, был всегда доволен и всегда весел.

Когда окончился год его службы, господин его не дал ему никакого жалованья, подумав: «Этак-то лучше, и я на этом сохраню кое-что, и он от меня не уйдет, а останется у меня на службе». Слуга не сказал ему ни слова, и во второй год исполнял ту же работу, что и в первый. И даже тогда, когда и за второй год он не получил никакого жалованья, примирился с этим и остался по-прежнему на службе.

По прошествии и третьего года господин спохватился, стал рыться в кармане, однако ничего из кармана не вынул. Тогда наконец слуга заговорил: «Я, сударь, честно служил вам три года сряду, а потому будьте так добры, дайте мне то, что мне следует получить по праву; мне хотелось бы от вас уйти и повидать свет белый». А скряга и отвечал ему: «Да, милый мой слуга, ты мне служил прекрасно и должен быть за это вознагражден надлежащим образом». Сунул он руку опять в карман и геллер за геллером отсчитал ему три монетки. «Вот тебе за каждый год по геллеру – это большая и щед-

рая плата, какую ты мог бы получить лишь у очень щедрых господ». Добряк-слуга немного смыслил в деньгах, спрятал свой капитал в карман и подумал: «Ну, теперь у меня полнешенек карман денег – так о чем же мне тужить? Да не к чему и затруднять себя тяжелою работою». И пошел путем-дорогою по горам, по долам, весело припевая и припрыгивая на ходу.

Вот и случилось, что в то время, когда проходил он мимо чащи кустов, вышел к нему оттуда маленький человечек и спросил: «Куда путь держишь, веселая голова? Вижу я, что ты ничем особенно не озабочен». – «А о чем мне печалиться? – отвечал парень. – Карман у меня полнешенек – в нем бренчит у меня жалованье, полученное за три года службы». – «А велика ли вся твоя казна?» – спросил человечек. «Велика ли? А целых три геллера звонкой монетой!» – «Послушай, – сказал человечек, – я бедный, нуждающийся человек, подари мне свои три геллера: я уж ни на какую работу не пригоден, а ты еще молод и легко можешь заработать свой хлеб».

Парень был добросердечный и притом почувствовал жалость к человечку; подал ему свои три монеты и сказал: «Прими Христову милостыньку, а я без хлеба не останусь». Тогда сказал человечек: «Видя твое доброе сердце, я разрешаю тебе высказать три желания – на каждый геллер по желанию – и все они будут исполнены!» – «Ага! – сказал парень. – Ты, видно, из тех, которые любят пыль в глаза пус-

кать! Ну, да если уж на то пошло, то я прежде всего желаю получить такое ружье, которое бы постоянно попадало в на-меченную цель; а во-вторых, желаю получить такую скрипку, на которой, чуть заиграю, так чтобы все кругом заплясало; в-третьих, если к кому обращаюсь с просьбою, так чтобы мне в ней отказу не было» – «Все это я тебе даю», – сказал человек, сунул руку в куст – и поди же ты! – достал оттуда, словно по заказу, и ружье, и скрипку. Отдавая то и другое парню, он сказал: «Если ты кого попросишь о чем, то ни один человек на свете тебе не откажет». «Вот у меня есть все, чего душа желает!» – сказал сам себе парень.

Вскоре после того повстречался ему на пути еврей с длин-ной козлиной бородкой; он стоял и прислушивался к пению птички, сидевшей очень высоко, на самой вершине дерева. «Истинное чудо! – воскликнул он наконец. – У такой ма-ленькой твари и такой голосище! Эх, кабы она была моею! Жаль, что ей никто не может на хвост соли насыпать!» – «Ко-ли только за этим дело стало, – сказал парень, – так птицу мы оттуда сейчас спустим!» Приложился он и так ловко попал, что птица упала с дерева в терновник. «Слушай, плутяга, – сказал парень еврею, – вынимай оттуда свою птицу». – «Ну что же, я подберу свою птицу, коли уж вы в нее попали!» – сказал еврей, лег на на землю и давай продираться внутрь тернового куста.

Когда он залез в самую середину кустарника, вздумалось парню подшутить – взялся он за скрипку и давай на ней на-

игрывать. Тотчас же начал и еврей поднимать ноги вверх и подскакивать, и чем более парень пилил на своей скрипке, тем шибче тот приплясывал. Но шипы терновника изодрали его ветхое платьишко, растеребили его козлиную бороденку и перецарапали ему все тело. «Да что же это за музыка! – крикнул, наконец, еврей. – Что за музыка! Пусть господин перестанет играть, я вовсе не хочу плясать!» Но парень не очень его слушал и думал про себя: «Ты довольно людей дурачил – пусть-ка теперь тебя терновник поцарапает!» – и продолжал наигрывать, а еврей все выше и выше подскакивал, и лохмотья его одежды то и дело оставались на иглах терновника. «*Ай, вей!* – взмолился он. – Лучше уж я дам господину, что он желает – дам целый кошелек с золотом, лишь бы он играть перестал!» – «О, если ты такой щедрый, – сказал парень, – то я, пожалуй, и прекращу мою музыку; однако же должен тебя похвалить – ты под мою музыку отлично плясешь!» Затем получил он от еврея кошелек и пошел своей дорогой.

Еврей же остался на том же месте и все смотрел вслед парню, пока тот совсем у него не скрылся из глаз; а тогда и начал кричать, что есть мочи: «Ах, ты, музыкант грошовый! Ах, ты, скрипач из пивной! Погоди ужо: дай мне с тобой глаз на глаз встретиться! Так тебя пугну, что во все лопатки бежать от меня пустишься!» – и кричал, и ругался, сколько мог. А когда он этой бранью немного пооблегчил себе душу, то побежал в город к судье. «Господин судья, *ай, вей!* – изволь-

те посмотреть, как на большой дороге какой-то злодей меня ограбил и что со мною сделал! Камень, и тот должен был бы надо мною сжалиться! Извольте видеть: платье все в клочья изорвано! Тело исколото и исцарапано! И весь достаточек мой, вместе с кошельком, у меня отнят! А в кошельке-то все червонцы, один другого лучше! Ради бога, прикажите злодея в тюрьму засадить!» Судья спросил: «Да кто же он был? Солдат, что ли, что тебя так саблей отделал?» – «Ни-ни! – сказал еврей. – Шпаги обнаженной при нем не было, только ружье за спиной, да скрипка под бороною; этого злодея не мудрено узнать!»

Выслал судья свою команду, и его посланные легко отыскали парня, который преспокойно шел своею дорогой; да у него же и кошель с золотом нашли. Призванный в суд, он сказал: «Я к еврею не прикасался и денег у него не брал, он сам по доброй воле мне деньги предложил, лишь бы только я перестал играть на скрипке, потому что он не мог выносить моей музыки». – «Никогда!

Иллюстр. к сказке братьев Гримм «Еврей в терновнике»

Как можно! – закричал еврей. – Все-то он лжет, как мух ловит!» Но судья и без того парню не поверил и сказал: «Плохое ты нашел себе оправдание – не может быть, чтобы еврей тебе по доброй воле деньги дал!» И присудил добродушного парня за грабеж на большой дороге к повешению.

Когда его повели на казнь, еврей не вытерпел, закричал ему: «А, живодер! А, собачий музыкант! Теперь небось получишь заслуженную награду!» А парень преспокойно поднялся с палачом по лестнице на виселицу, и обернувшись на последней ступеньке ее, сказал судье: «Дозвольте мне обратиться к вам перед смертью с некоторою просьбою!» – «Ладно, – сказал судья, – дозволяю; не проси только о помиловании». – «Нет, прошу не о помиловании, – отвечал парень, – а о том, чтобы мне напоследок дозволено было еще раз сыграть на моей скрипке». Еврей закричал благим матом: «Ради Бога, не позволяйте ему!» Но судья сказал: «Почему бы мне ему этого не позволить? Пусть потешится перед смертью, а затем и в петлю». Но он и не мог отказать ему вследствие особого дара, который был дан парню человеком. Еврей же стал кричать: «*Ай вей! Ай, вей!* Вяжите, вяжите меня крепче!» Тогда добродушный парень снял свою скрипку с шеи, настроил ее, и чуть только первый раз провел по ней, все стали шаркать ногами и раскачиваться – и судья, и писцы его, и судейские, и даже веревка выпала из рук того, кто собирался скрутить еврея. При втором ударе смычка все подняли ноги, а палач выпустил добродушного парня из рук и

приготовился к пляске. При третьем ударе все подпрыгнули на месте и принялись танцевать – и судья с евреем впереди всех, и выплясывали лучше всех.

Вскоре и все кругом заплясало, все, что сбежалось на базарную площадь из любопытства, – старые и малые, толстяки и худощавые; даже собаки, и те стали на задние лапы и стали прыгать вместе со всеми. И чем долее играл он, тем выше прыгали плясуны, так что даже головами стали друг с другом стукаться, и напоследок все подняли жалобный вой. Наконец судья, совсем выбившись из сил, закричал парню: «Дарю тебе жизнь, только перестань же играть!» Добродушный парень внял его голосу, отложил скрипку в сторону, опять повесил ее себе на шею и сошел с лестницы. Тогда подошел он к еврею, который лежал врастяжку на земле, не будучи в силах перевести дыхание, и сказал ему: «Негодяй! Теперь сознайся, откуда у тебя деньги – не то сниму скрипку и опять стану на ней играть». – «Украл я, украл деньги! – закричал еврей в отчаянии. – А ты честно их заработал». Услышав это, судья приказал вести еврея на виселицу и повесить, как вора.

4. Сын медведя

(Молодая жена сельского старосты отправляется в соседнюю деревню передать письмо. В лесу на нее нападает медведь и уносит в свое логово. Через год она рождает сына, который за короткое время превращается в юного мужчину. Мать с сыном бегут из логова медведя. Староста принимает их, усыновляет юношу, однако жители деревни вынуждают сына медведя отправиться странствовать...)

Долго ли, коротко ли, но шел он по опушке леса мимо одного озера. Здесь, в траве, лежала скрипка с тремя струнами и смычком. «О, меня на удивление вовремя изгнали», – подумал про себя сын медведя и взял скрипку с собой. На пустынной дороге его встретил чернобородый еврей и спросил: «Есть, что продать? Есть, что продать? У господина ведь имеется прекрасная скрипка!» «Она к тому же и волшебная», – сказал сын медведя, взял смычок и провел им по всем трем струнам скрипки. И тотчас еврей начал танцевать, и танцуя, поднимался все выше к кустарнику и к зарослям терновника, который разорвал на его теле платье, исколол лицо, руки и ноги острыми колючками. И если бы сын медведя не остановил игру, то еврей лишился бы и жизни. А тот решил ему отомстить, и бросился бежать в город, через который должен был проходить сын медведя, и сообщил су-

дье, чтобы он смотрел в оба, ибо по дороге идет разбойник и убийца, который так его отделал.

Тут судья послал солдат, которые должны были схватить сына медведя. Но тот высмеял их, оттолкнул от себя и сказал, что пойдет сам, ибо никто не может принудить его силой. Так попал он в суд, и не получивший слова в свою защиту, был осужден к повешению. Это было несправедливо со стороны судей, ибо они без всякого поверили чернобородому еврею. Однако сын медведя не очень-то печалился по этому поводу, и спокойно пошел с палачом к виселице. И вот когда ему на шею надели веревку, он попросил исполнить его последнее желание и разрешить ему еще только один раз сыграть на скрипке песенку. «Вы не должны выполнять его последнюю просьбу!» – вскричал еврей, но судьи не могли противостоять желанию сына медведя. Тот взял смычок и затем провел им по скрипке. И случилось также, как и при тогдашнем его ударе: задрали свои ноги судья, еврей и весь народ, и стали танцевать. И чем дольше играл сын медведя, тем выше подпрыгивали они, так что было одно удовольствие наблюдать за ними. Наконец, он подумал: «Ну, теперь с вас достаточно» и прекратил игру. И тут, и там по сторонам лежал народ и не мог пошевелиться ни одним членом. А сын медведя, зная, что таит в себе скрипка, читил ее и берег в своем дальнейшем путешествии... *(Сын медведя с помощью скрипки умиряет великанов, дракона и женится на спасенной им принцессе.)*

5. Удачная торговля

Однажды крестьянин стащил свою корову на базар и продал ее там за семь талеров. На обратном пути он должен был проходить мимо одного пруда, из которого далеко разносилось кваканье лягушек: «Ква, ква, ква, ква!» «Ну, да, – стал он говорить сам себе, – мелют по-пустому: семь талеров я выручил, а не два!»

Подойдя к самой воде, он лягушкам крикнул: «Глупое вы зверье! Небось лучше меня знаете? Семь талеров, а не два!» А лягушки-то все на своем: «Ква, ква, ква!» «Ну, коли вы не верите, так я вам сочту». Вытащил деньги из карманов и пересчитал все семь талеров, раскладывая по двадцать четыре гроша на каждый. Однако лягушки не сошлись с ним в счете и опять тянули ту же песню: «Ква, ква, ква!» «Коли так, – крикнул крестьянин, разгневавшись, – коли вы полагаете, что знаете дело лучше меня, так нате же, считайте сами!» – и швырнул им деньги всей кучей в воду.

Он постоял на берегу некоторое время и намерен был обождать, пока они справятся со счетом и возвратят ему деньги, но лягушки настаивали на своем, продолжая по-прежнему голосить: «Ква, ква, ква!», да денег тоже ему не возвращали.

Подождал он еще немало времени, пока не наступил вечер и не понадобилось ему идти домой, тогда он выругал лягушек и крикнул им: «Ах, вы, водошлепницы! Ах, вы, тол-

стоголовые, пучеглазые! Рыло-то у вас широко и кричать вы горазды, так что от вас в ушах трещит, а семи талеров пересчитать не умеете! Или вы думаете, что так я вот тут буду стоять и дожидаться, пока вы со счетом справитесь?» И пошел прочь от пруда, а лягушки ему вслед: «Ква, ква, ква», так что он и домой пришел раздосадованный.

Сколько-то времени спустя выторговал он себе корову, заколол ее и стал рассчитывать, что если бы ему удалось выгодно продать ее мясо, он бы столько выручил за него, сколько стоили ему обе коровы, да еще шкура у него в барышах бы осталась. Когда он с мясом подъезжал к городу, то перед самыми городскими воротами наткнулся на целую стаю собак, сбежавшихся сюда. И впереди всех огромная борзая; так и прыгает возле мяса, и разнюхивает, и лает «Дай, дай, дай!» Так как она все прыгала и все лаяла, то крестьянин и сказал ей: «Ну, да! Вижу я, что ты не даром говоришь: дай, дай, а потому что говядинки хочешь. Ну, хорош бы я был бы, кабы точно взял да и отдал бы тебе говядину!» А борзая все то же: «Дай, дай!» «Да ты скажи мне: ты ее не сожрешь сама, и за товарищей своих ответишь?» «Дай, дай, – лаяла по-прежнему собака. «Ну, коли ты на этом настаиваешь, так я тебе говядину оставлю; я тебя знаю и знаю, у кого ты служишь; но я тебя предупреждаю: через три дня чтобы мне были готовы деньги, не то тебе плохо придется: ты можешь их мне сюда вынести». Затем он свалил говядину и повернул домой; собаки тотчас на нее набросились с громким лаем: «Дай, дай!»

Крестьянин, издали прислушиваясь к этому лаю, сказал себе: «Ишь, теперь все от нее своей доли требуют; ну, да мне за всех одна эта большая ответит».

Когда минуло три дня, крестьянин подумал: «Сегодня вечером у меня деньги в кармане», и очень был этим доволен. Однако же никто не приходил и денег не выплачивал. «Ни на кого-то теперь положиться нельзя» – сказал он, наконец, потеряв терпение, пошел в город к мяснику и стал от него требовать своих денег. Мясник сначала думал, что он с ним шутки шутит, но крестьянин сказал: «Шутки в сторону: мне деньги нужны! Разве ваша большая собака три дня назад не приволокла сюда моей битой коровы?» Тогда мясник разозлился, ухватился за метловище и выгнал его вон. «Погоди ужо! – сказал крестьянин. – Есть еще справедливость на свете!» и пошел в королевский замок и выпросил себе у короля аудиенцию.

Привели его к королю, который сидел рядом со своей дочерью, и тот спросил его, какой ему ущерб учинился? «Ах, – сказал крестьянин, – лягушки и собаки отняли у меня мою собственность, а резник меня же за это палкой попотчевал», и подробно рассказал, как было дело.

Королева, услышав его рассказ, не выдержала, расхохоталась громко, и король сказал ему: «Рассудить твоего дела я не могу, но зато ты можешь взять дочь мою себе в жены; она еще отродясь не смеялась, только вот сегодня ты ее рассмешил, а я обещал ее тому в жены, кто сумеет ее рассмешить.

Ну, вот и благодарю Бога за свое счастье!» «О, да я вовсе и не желаю на ней жениться! – отвечал крестьянин. – У меня дома уже есть одна жена, да и ту одну мне девать некуда. Если я на твоей дочке женюсь да домой вернусь, так что же мне по уголкам их, что ли, расставлять прикажешь?» Тут король не на шутку прогневался и сказал: «Ты грубиян!» «Ах, господин король! – возразил мужик. – Вестимое дело: на свинке не шелк, а щетинки!» «Ладно, ладно, – отвечал король, – я тебе другую награду назначу. Теперь проваливай, а денька через три возвращайся, тогда тебе все пятьсот отсыпят сполна».

Когда крестьянин стал выходить из замка, один из стражи королевской сказал ему: «Ты королевну нашу рассмешил, так уж, верно, получишь за это хорошую награду». «Кажись, что не без этого, – отвечал крестьянин. – Пять сотен будут мне выплачены». «Слышь-ка, крестьянин! – сказал солдат. – Удели мне малую толику. Ну, куда тебе такая уйма денег!» «Ну, разве уж для тебя куда ни шло! Получай двести! Так-таки заявишься к королю денька через три и прикажи тебе именно столько выплатить».

Еврей-ростовщик, случившийся поблизости и подслушавший их разговор, побежал за крестьянином вслед, ухватил его за полу платья и говорит: «Ай-ай-ай, что вы за счастливец такой! Я вам деньги разменяю, я вам их мелочью выплачу, куда вам с этими битыми талерами возиться?» «Мойше⁶, – сказал крестьянин, – триста еще есть на твою долю,

⁶ В оригинале «Mauschel». См. прим. 39 к вводной статье.

только выплати их мне сейчас мелкой монетой: дня через три король тебе их уплатит». Еврей обрадовался барышу и выплатил мужику всю сумму стертыми слепыми грошами, такими, что три гроша двух хороших не стоят.

По прошествии трех дней крестьянин согласно приказу короля явился пред его ясные очи. «Ну, снимай с него платье долой, – сказал король, – он должен получить свои пять сотен сполна». «Ах, – сказал крестьянин, – эти пять сотен уже не принадлежат мне: две сотни подарил я солдату вашей стражи, а за три сотни ростовщик уже уплатил мне мелочью, так по справедливости мне уже ничего получать не следует. И точно: явились к королю и солдат, и еврей-ростовщик и стали требовать своей доли в награде крестьянина, и получили надлежащее количество ударов. Солдату это было дело знакомое, и он вынес свою порцию ударов терпеливо, а еврей все время жалобно кричал: *«Ай, вей мир! Ай, какие крепкие талеры!»*

Иллюстр. к сказке братьев Гримм «Удачная торговля»

Король, конечно, посмеялся проделке крестьянина, и так как гнев-то его прошел, он сказал: «Так как ты свою награду потерял еще ранее, нежели получил ее, то я тебя награжу иначе: ступай в мою казну и возьми себе денег, сколько хочешь». Крестьянин не заставил себе этого дважды повторять и набил в свои глубокие карманы, сколько влезло. Потом пошел в гостиницу и стал считать деньги. Еврей туда же за ним приполз и слышал, как тот ворчал себе под нос: «А ведь этот

плут-король все же провел меня! Дай он мне денег сам, так я бы, по крайности знал, что у меня есть. А теперь, как я могу наверно знать, сколько я наудачу в карман насыпал?» «Ай, ай, – залепетал про себя еврей, – да он непочтительно смеет говорить о нашем государе! Побегу и донесу на него, тогда я награду получу, и он будет наказан». И точно, когда король услышал о речах крестьянина, то пришел в ярость и приказал пойти и привести провинившегося.

Еврей побежал к крестьянину. «Пожалуйте, – говорит, – тотчас к господину королю; как есть, так и ступайте». «Нет, уж я лучше знаю, как к королю идти следует. – отвечал крестьянин. – Сначала я велю себе сшить новое платье. Или ты думаешь, что человек, у которого так много денег в кармане, может идти к королю в каком-нибудь старье?»

Еврей увидал, что крестьянин заупрямился и без нового платья к королю не пойдет, а между тем, пожалуй, и гнев у короля пройдет: тогда ни ему награды, ни крестьянину наказания не будет. Вот он и подъехал к крестьянину: «Я вам из одной дружбы могу на короткое время чудесное платье ссудить; отчего человеку не услужить по душе!» Крестьянин на это не возражал, надел платье и пошел в замок.

Король потребовал у крестьянина отчета в тех непочтительных речах, о которых донес ему еврей. «Ах, – сказал крестьянин, – ведь уже известное дело: еврей что ни скажет, то соврет. От него можно разве правды ждать? Ведь вот он, пожалуй, станет утверждать, что я его платье надел». «Ай, вей!

Что такое? – закричал еврей-ростовщик. – Разве платье не мое? Разве я не из одной дружбы вам его ссудил на время, чтобы вы могли перед господином королем явиться?» Услышав это, король сказал: «Ну, кого-нибудь из нас двоих, либо меня, либо крестьянина еврей все-таки надул!» И приказал ему еще отсчитать малую толику битыми талерами. А крестьянин отправился домой и в новом платье, и с деньгами и говорил себе по пути: «Ну, на этот раз я, кажись, в самый раз потрафил».

6. От солнца ясного ничто не скроется!

Портной-подмастерье бродил некогда по белу свету, кормясь ремеслом своим, и вот случилось, что он, не находя никакой работы, дошел до такой бедности, что не было у него даже одного геллера на хлеб. Как раз в это время повстречался ему на дороге еврей, и голодному подмастерью пришло на ум, что у него должно быть много денег. Забыв о Боге, портной подступил к нему и сказал: «Отдай мне твои деньги, не то убью!» Еврей взмолился: «Пощади меня, денег у меня никаких нет – всего какие-нибудь восемь геллеров!» Но портной сказал сурово: «А все же есть у тебя деньги, и ты их должен мне отдать!» – затем схватил его, стал бить и избил до полусмерти. И еврей, умирая, мог произнести только одно: «От солнца ясного ничто не скроется», – да с тем и умер. Подмастерье стал шарить у него по карманам, но нашел всего только восемь геллеров, как и говорил еврей. Затем он подхватил убитого, бросил в кусты и пошел далее на поиски работы.

После долгих странствий попал он наконец в большой город, поступил там на работу к мастеру, у которого дочь была красавица; он в нее влюбился, женился на ней и зажил с ней в счастье и довольстве. Много прошло времени; двое детей успело у супругов родиться, и тесть с тещею померли, а су-

пругам пришлось вести дом самим.

Однажды утром, когда портной сидел на своем столе у окна, жена принесла ему кофе; он вылил кофе из чашки в блюдечко, собираясь его пить, а отражение солнца упало на стену и забегало по ней зайчиками. Взглянув на стену, портной проговорил: Хотелось бы ему и то дело осветить, да не может никак!» Жена спросила его: «Э-э, муженек, да что же это такое? Что ты этим сказать хочешь?» – «Этого я тебе высказать не смею», – отвечал он. Но она ответила ему: «Если ты меня любишь, то должен мне сказать», – и стала клясться, что никому не откроет его тайны, и не давала ему покоя.

Вот он и рассказал ей, как много лет тому назад, когда бродил по белу свету оборванный и тощий, он убил еврея, и этот еврей в последнюю минуту перед смертью проговорил: «От солнца ясного ничто не скроется!» «Ну и вот, как там солнце не старалось, как ни мелькало зайчиками на стене, а все же ничего не выяснило!» И, рассказав ей все это, он еще раз просил ее никому не говорить, потому что ему пришлось бы за это жизнью поплатиться, и она обещала молчать.

Но чуть только портной опять принялся за работу, пошла она к своей куме и все ей рассказала, при условии, что та никому об этом не скажет. И не прошло и трех дней, как уже знал об этом деле весь город, и портной, призванный в суд, был осужден и казнен.

7. Солнечный бублик

Один человек, которому нечего было есть и не было у него никаких денег, пустился однажды в путь, не зная, чем он может в ближайшей ночлежке заплатить по счету. Тут ему в голову пришли злые мысли: если кто-то ему встретится, отяжелевший от денег, то он облегчит его ношу. И там, где лес был совершенно глухим, путник увидел идущего перед собой другого путника, ускорил свои шаги, почти догнал последнего и увидел, что тот, кого он догнал, был евреем. Тут он сразу подумал, у евреев всегда есть деньги и закричал: «Еврей! Отдай мне немедленно твои деньги, иначе ты умрешь!» «Господи, помоги мне! – сказал еврей. – У меня не деньги, но восемь несчастных геллеров. Что вы делаете? Хотите перед богом совершить великий грех и за восемь геллеров до смерти прибить человека?» – «Еврей, ты лжешь! Без денег никто из обманщиков⁷ не путешествует. Деньги сюда, или жизнь?» «*Вей из мир!* От боли кричу, – запричитал еврей, полный страха. – У меня не более того, о чем я уже сказал вам». Однако тот уже не слушал и в своем разбойничьем нетерпении убил бедного еврея, а тот закричал, умирая: «Не могу стерпеть из-за тебя боли, о убийца! Ясное солнце должно высветить твоё злодеяние, всевидящие очи небосвода».

С этими словами еврей умер, а его убийца проверил все

⁷ В тексте – Mauschel.

его карманы и нашел только маленький кожаный мешочек, и не больше, и не меньше, как восемь красных геллеров. Тут он стал сожалеть, что решился на такое гнусное убийство, и когда он посмотрел на солнце, то испугался, так как оно стало кроваво-красным, и побежал второпях оттуда. В лесу же собрались малиновки и принесли цветы, и положили их на лицо умершего, чтобы страх перед людьми не нарушил священного мира леса. Убийца же убежал как можно дальше от того места, и не мог при этом смотреть на солнце.

На следующее утро все это представилось ему как злой, злой сон, но этот сон преследовал его долго, а солнце каждое мгновение напоминало ему предсмертный крик убитого еврея. Наконец он в душе успокоился, работал прилежно и завоевал склонность дочери мастера, так как он был все-таки сносный подмастерье и вел себя тихо и сдержанно. С ней он долгое время жил в счастливом браке. Не часто думал он о своем страшном поступке; только перед солнцем он испытывал определенную робость, но, наконец, спросил себя самого: «Как оно, драгоценное солнце, может раскрыть это? Еврей давно забыт, я нахожусь за много миль от этой земли; говорить солнце не может, писать оно тоже не может. Я так долго понапрасну боялся и испытывал страх».

Однажды утром жена принесла мужу чашку кофе. Он налил из чашки часть в блюдо и случайно там отразилось солнце, затем от движущейся жидкости кругом на потолке образовались колеблющиеся, косые солнечные круги, и

взгляд мужа устремился вверх, к потолку. Думая, что он один, он стал говорить себе: «Ты думаешь, солнце, что можешь раскрыть это, так как ты считаешь, что достаточно вверх изобразить дрожащие солнечные бублики?» – «Какую тайну должно раскрыть солнце, о муж?» – громко спросила жена, и муж испугался. Живое хотела она принудить его к рассказу, но он прекратил говорить и не захотел признаваться. Однако жена не успокаивалась до тех пор, пока он не рассказал ей, пребывающей в полном молчании, что однажды убил еврея в лесу, а тот, умирая, кричал: «Ясное солнце раскроет твоё злодеяние, всевидящие глаза небосвода», а солнце все-таки ничего не раскрыло. Оно ничего не умеет – только светить и греть, да солнечные бублики на стене и потолке делать».

Жена выслушала это, задрожала и замолчала, но несчастная тайна раздирала её сердце, лишила покоя и днем, и ночью. И солнце часто напоминало ей об этом. Она уже не могла держать тайну в своём сердце и рассказала своей любимой подруге, взяв с неё святой обет молчания. Но та передала другой, и скоро дошло до судьи. Убийца был схвачен и во всем сознался. Он был искренне рад, что все вышло наружу, и после того, как он был приговорен к обезглавливанию мечом, встретил приговор с полным самообладанием. В тот же час его болтливая жена побежала на чердак и повесилась на одной из балок.

8. Куропатка

Жил-был богатый еврей, который шел через одно королевство и нес с собою большие сокровища в деньгах и во всяком добре. Так как дорога привела его к большому лесу, то он испугался, что за свои деньги может поплатиться жизнью, и поэтому отправился к королю той страны, вручил ему подарок и попросил, чтобы король дал ему в проводники через лес и через все его государство одного надежного человека. Король предложил своему слуге быть проводником еврея, и тот сделал так, как ему было приказано.

Когда они пришли в лес, слуге страстно захотелось обладать сокровищами еврея, и он преградил ему путь и сказал: «Иди вперед!» Еврей испугался, подумал о злом намерении слуги, и не захотел идти впереди. Тогда слуга вынул в этот миг из ножен свой меч и закричал: «Еврей! Здесь ты должен погибнуть от моей руки». «О, добрый слуга, не делай этого, – взмолился еврей, – такое злодейское убийство не останется нераскрытым! И если даже это тайное убийство совершится не на виду у людей, то о нем поведают птицы, летящие в небе!» В то время, когда еврей это говорил, пролетала над лесом куропатка. Тут слуга язвительно засмеялся и сказал насмешливо: «Обрати внимание, еврей! Эта куропатка непременно расскажет королю, что я тебя здесь убил». И так слуга убил еврея в лесу, забрал все его деньги и сокровища,

которые он нес с собой, тайно похоронил его и отправился ко двору.

Когда после нечестивого деяния слуги прошел год, случилось, что королю подарили куропаток, и слуга отнес их к повару, приказав их приготовить и подать к столу. И когда он перед королем ставил куропаток на стол, то подумал о еврее, которого убил, о его последних словах о птицах, и засмеялся. Король, увидев это, спросил, над чем он смеется. Слуга, однако, представил королю неправдоподобную причину своего смеха.

Затем через четыре недели случилось, что король для своих подчиненных и служащих устроил званый обед, на котором присутствовал и слуга. Сам король, будучи радостным и веселым, шутливым и довольным, приказал подать столько вина и благородных напитков, что некоторые из его служащих достаточно сильно опьянели. И так как всем было весело, король обратился к слуге: «Дорогой слуга, сейчас скажи мне чистую правду. Над чем ты тогда смеялся, когда подавал мне куропаток, ибо ты скрыл от меня настоящую правду!» Дух слуги был в опьянении, а лишь тот, кто с вином умеет обходиться, обладает мудростью, и слуга сказал: «Ах, мой король, когда еврей кричал, что птицы, летящие в небе, раскроют его таинственную смерть, то в это время высоко в небе пролетала куропатка. Поэтому я вспомнил об этом и засмеялся».

Король молча выслушал речь слуги, не дав заметить сво-

его волнения, и повел себя так, как будто ничто не нарушило его радостного настроения. Однако на другой день он собрал Совет, пригласил его тайных членов, и спросил их: «Какому наказанию следует подвергнуть того, кто должен был по приказу короля быть проводником одного человека через все государство, но убил его и ограбил?» Советники единодушно постановили: «Он заслужил быть повешенным!» Затем король устроил суд, призвал судебного исполнителя, который обвинил слугу. А так как он перед свидетелями сознался в своем преступлении, то сделал признание и в суде, и был приговорен к повешению. Так благодаря куропаткам тайное убийство стало явным.

9. Солнце тебя выдаст

Однажды портняжка убил некоего еврея с целью ограбить его. Еврей, прежде чем умереть, сказал: «Солнце тебя все же выдаст!» И это были его последние слова. Прошло много лет и никто уже не вспоминал убитого еврея. Портняжка женился на одной женщине, был счастлив и благополучен, уважаем своими согражданами. Однажды воскресным утром он лежал в своей постели, солнце светило в окно и его лучи освещали кровать. Тут он громко засмеялся, а его жена не могла понять, что случилось с ее мужем, и почему он смеется. Она не давала ему покоя до тех пор, пока он ей все не открыл. «Я, – начал он, – много лет назад убил однажды одного еврея и тот, умирая, сказал: солнце тебя еще выдаст. И когда солнце осветило мою кровать, мне снова вспомнилась эта история, и я засмеялся, так как подумал: солнце может безумолку болтать, но у него нет языка!»

Жене стало не по себе оттого, что ее муж убийца, и она не могла его больше любить. Вскоре у них произошла ссора, и так как она не хотела больше оставаться с ним и испытывала перед ним страх, то все дело она поведала суду. После этого сам портняжка признал свою вину и был осужден. Но прежде, чем ему отсекли мечом голову, он сказал: «Солнце все-таки меня выдало!»

10. Солнце все раскроет

Однажды один еврей во время своего путешествия при чудесном сиянии солнца нагнал одного гонца, который недалеко от него медленно поднимался в гору, тяжело нагруженный деньгами. Он спросил его, что он несет, а тот ответил: «Что ты еще хотел бы узнать?» «Только не надо грубить!» – ответил еврей, затем он ударил его сзади своей палкой по голове, и гонец упал замертво на землю. Еврей взял деньги и пошел дальше. «Тебя все-таки выдаст солнце», – крикнул ему вслед гонец, умирая. «Это странно, – сказал еврей – как меня может выдать солнце?», и пошел домой. «Откуда столько денег?» – спросила дома его жена. «Благодаря удачной торговле!» – сказал еврей.

Так еврей стал богатым господином, и никто не знал, откуда взялось его богатство. Через много лет лежал он однажды утром долго в своей кровати и солнце освещало его постель. Ему было очень хорошо, к тому же он подумал, как замечательно и прекрасно у него пошло с тех пор, как он убил гонца. И наблюдая за солнечными *лучами*, что освещали его кровать, он засмеялся. Его увидела через кухонное окно, выходящее в спальню, его жена: она была на кухне. Она вошла (в спальню) и сказала: «Муженек! Почему ты смеешься?» Никакие отговорки ему не помогли и он должен был ей признаться, почему он смеялся. «Каким глупым был этот го-

нец! – воскликнул он. – Солнце, солнце этого не раскроет!»

Снова прошли годы и тут случилось, что однажды светлым летним днем еврей поссорился со своей женой и легко ударил ее. «Убийца, убийца! – закричала сразу жена. – Ты думаешь, что можешь убить свою жену также, как ты убил гонца?» Тут еврей здорово испугался, и так как они были не одни, закричал: «Женщина, женщина! О чем ты говоришь, что ты наделала. Лишь солнце может выдать мою тайну!» Все так и случилось, ибо люди поспешили в суд и доложили судье об этих словах. Таким образом убийца получил свою плату и последняя воля гонца осуществилась. Да, именно солнце раскрыло эту тайну.

11. Верный жеребенок

(Герой Ганс женится с большой пышностью на принцессе)... Через год принцесса родила ему сына, и как только тот появился на свет, в конюшне белая лошадь разродилась жеребенком. «Так должно было произойти, ибо, наверное, это (событие) что-то да значит, – сказал Ганс. – Необходимо, чтобы жеребенок получил хороший уход!» Ганс радовался новорожденному и жеребенку, ибо они появились на свет в один год, но недолго, так как разразилась война. Ганс отправился на поле боя и оставался там семь лет, ибо так долго длилась война. Юноша рос вместе с жеребенком, и когда ему исполнилось три года, он уже всюю гарцевал на нем. Они полюбили друг друга так крепко, что были неразлучны с утра до вечера.

В городе Ганса жил придворный еврей, который так долго хитро и лживо⁸ обхаживал принцессу, что она нарушила супружескую верность и вступила в связь с евреем. Это было ее самым скверным поступком. Все это продолжалось больше шести лет, пока не пришли вестники, которые сообщили, что принц Ганс скоро вернется домой, так как он победил всех своих врагов. Тут еврей сказал: «*Ай, вей!* Когда принц приедет домой, маленький сорванец поведает ему, что мы были друг с другом близки. Ты должна убить этого разбой-

⁸ В оригинале – *mauschelte mit der Prinzessin*.

ника, чтобы он не мог разболтать». Бессовестная женщина ответил: «Я уже хотела это сделать, но если бы я знала, как?» Еврей дал ей яд и сказал: «Смешай это с кофе и дай ему. И он не сможет проболтаться».

Королева позвала юношу, и когда он пришел после обеда из школы, сказала: «Вот, мой любимый сыночек, твой кофе. Выпей!» «Поставь его на мой столик, дорогая мама, – ответил ребенок, – я быстро сбегаю на конюшню и посмотрю на моего жеребенка». Когда мальчик пришел в конюшню, он увидел жеребенка лежащим и очень печальным. «Жеребёнок, что с тобой?» – спросил мальчик, и жеребёнок ответил: «Ах, мой дорогой сын! Ах, мой дорогой сын! Не пей твой кофе, а дай чуть-чуть кошке, и ты увидишь, что в нем». Ребенок побежал назад и налил кошке немного кофе. Она выпила чуть-чуть, бросилась к потолку и разорвалась на части: таким сильным был яд.

Еврей совсем не понял, что произошло и почему мальчик не умер, пришел к королеве и сказал: «*Au, vей!* Этот разбойник должен умереть, чтобы не выдать нас. Здесь материал для кителя; отнеси его к девяноста девяти портным и прикажи быстро его сшить. Он не избежит смерти». Королева сделала так, как велел еврей, и после обеда китель был готов. Когда ребенок пришел из школы, она позвала его к себе и сказала: «Посмотри, мой сыночек, я приказала сшить для тебя китель». «Положи его на столик, дорогая мама, – ответил ребенок, – я быстро сбегаю на конюшню, посмотреть на

моего жеребенка». Когда он пришел на конюшню, то застал жеребенка с поникшей головой. «Жеребенок, ах дорогой жеребенок, что с тобой?» – спросил мальчик. «Ах, мой дорогой сын, ах, мой дражайший сын, – сказал жеребенок, – не надевай китель, подаренный твоей матерью. Вверху, в моих яслях, лежит материал, который выглядит также. Отнеси его к девяноста девяти портным и попроси сшить тебе китель, и надень его. Другим же покрой домашнюю собаку, и ты увидишь, что произойдет». Мальчик сделал именно так, и когда он покрыл кителем домашнюю собаку, то она сто раз повернулась вокруг себя и умерла. Потом ребенок пошел к девяноста девяти портным, получил другой китель, что очень шел к нему, и надел его на себя.

Через несколько дней из похода вернулся Ганс. Когда он только подъехал к воротам, проклятый придворный еврей побежал к принцессе и сказал: «Ау, вей! Принц вернулся и сорванец все разболтает. Ложись быстро в постель, будто ты смертельно больна, и делай то, что я тебе скажу, и все будет хорошо». После того, как она получила дурной совет, он был таков.

«Где моя самая лучшая из жен?» – спросил Ганс, когда он появился в замке, и был неутешен, услышав, что она вдруг смертельно заболела. Он поспешил к ней, а она сделала вид, будто лежит при последнем издыхании. «Ах, разве нет средства, которое может помочь тебе?» – вскричал Ганс. Она сказала: «Все врачи были здесь и никто не мог мне помочь со-

ветом, кроме одного, который должен был сразу уехать, так как у него много дел. Но то, что он мне сказал, я не могу сделать, не могу даже произнести, ибо это все очень страшно». «Скажи мне, – попросил Ганс, – мне всего дороже на свете избавление от смерти моей жены». «Если я должна сказать, – ответила она, вздыхая лицемерно, – то хорошо, я скажу. Единственное средство спасти меня – это сварить в молоке язык нашего любимого сыночка». От этого Ганс сделался еще несчастнее. Он вышел, а ему навстречу выскочил мальчик со своим жеребенком, и Ганс подумал про себя: «Жеребенок с мальчиком родились в один и тот же день, мы должны отрезать животине язык».

Когда позвали человека, полевого стригалья, жеребенок сказал мальчику: «Мой дорогой сын, ах мой дорогой сын, сейчас они придут и отрежут мне язык. Но упроси своего отца, чтобы он позволил тебе прежде три раза проскакать на мне вокруг замка и крепко держись в седле». Тут пришел стригаль с ножом и ножницами, и Ганс сказал: «Приведи своего жеребенка, мы должны отрезать ему язык и дать в качестве лекарства твоей матери, иначе она умрет». Мальчик ответил: «Дорогой отец! Разреши мне, прежде чем мой бедный жеребенок умрет, три раза проскакать на нем вокруг замка». Ганс обрадовался, а мальчик вскочил на жеребенка и поскакал. Когда он скакал в третий раз, жеребенок поднялся вдруг над землей, полетел все выше, все дальше, пока совсем не исчез. Тут к Гансу пришла вдруг мысль, что

его жена выздоровеет и без языка. (Мальчик на жеребенке пролетает через три королевства. В четвертом он поступает на службу в конюшню и взрослеет. Герой видит королевскую дочь, молодые влюбляются друг в друга, но король с неохотой дает согласие на свадьбу. В начавшейся вскоре войне юноша совершает чудеса героизма, доверяет королю, что он по происхождению королевский принц, и улетает с принцессой на своем жеребенке. Затем он становится королем большого королевства и живет счастливо со своей женой).

12. Еврей и навесной замок

Однажды жил-был очень сильный юноша, который однажды отправился путешествовать. Странствуя уже долгое время, он пришел в пустынную местность. Там его встретил еврей и спросил, куда он путь держит. «Он, – ответил юноша, – хочет обойти весь мир и встретить себе равного по силе»⁹. Он должен пойти с ним, сказал еврей, сделав вид, что желает ему удачи... Юноша отправился с ним, и они пришли к старому дворцу, вокруг которого была громадная железная ограда. Они совсем недолго постояли возле дворца и тут из-под земли раздался шум подземных шагов. Как только еврей их услышал, он послал Силача во дворец, чтобы тот принес ему оттуда замок, который висит на старых дверях внутри здания. И когда Силач был уже внутри, он увидел девушку, спросившую его, как он вошел сюда. Он ответил, что его послал один человек для того, чтобы забрать замок. Так, сказала девушка, если он станет ее избавителем, то сможет забрать замок себе. Он сразу же согласился и спросил, каким образом он может ее спасти. На это она ответила: три долгие ночи ты не должен спать, оставаться на том месте, которое я тебе укажу. В первую ночь появятся привидения, во вторую – змеи, а в третью – снова змеи. Все будут стараться сбросить его со стула, и если он это допустит, то она навеки исчезнет.

⁹ Юноша говорит о себе в оригинале в третьем лице.

Если же он сумеет противостоять силе змей и привидений, то она будет спасена.

Еврей-ростовщик. Гравюра на дереве, 1531 г.

Юноша обещал изо всех сил противостоять всем этим нападениям, а девушка вечером перед первой ночью показала ему комнату, где не было ничего, кроме единственного стула. На него он должен был сесть. Наконец девушка покинула его. В одиннадцать часов вся комната наполнилась привидениями, а одно из них больше других старалось сбросить юношу со стула. Но он, однако, даже не покачнулся и не поколе-

бался, и так прошла первая ночь. На следующий день появилась девушка, принесла ему поесть, похвалила его за выкачанную им выдержку и приободрила на будущее. Во вторую ночь появились змеи и стали обвивать ножки стула, словно они хотели перевернуть его. Но юноша сидел на своем месте крепко. Три четверти двенадцатого недалеко от него поднялся гроб, змеи вползли в него и исчезли. Днем снова показалась девушка, принесла ему пищу и питье и вновь приободрила его. Она добавила, что он должен в следующую ночь, когда последняя змея исчезнет в гробу, подойти к нему, быстро открыть крышку, обнять и трижды поцеловать то, что там лежит.

Юноша оказался на своем месте и в третью ночь. Змеи стали теперь более дикими и буйными, чем во вторую ночь. Но все они снова исчезли в гробу, когда пробило двенадцать. Он поднял крышку гроба и увидел там чудовище, обнял его и трижды поцеловал. Как только он поцеловал его в третий раз, раздался громкий радостный крик. Перед ним вместо чудовища стояла девушка, встретившая его во дворце. И это была не совсем обычная девушка, но принцесса по крови, которой принадлежал опустевший дворец, а дворец был королевский, змеи – слугами, и все они были спасены. Они уже веселились на кухне и в кладовой, и в печи уже приятно трещал огонь, который медленно, с двух сторон, поджаривал жаркое до коричневого цвета. На башне в трубу дудел страж, исполняя веселые мелодии, ибо он тоже был освобожден (от

чар). Юноша мог бы сейчас снять замок со старых дверей и спрятать его, но в великой радости он совсем забыл о нем и оставил его висеть. Еврей снаружи уже не ждал его, и давно ушел, так как подумал, что Силач погиб от рук тех, кого он посылал во дворец до него.

На другой день юноша с принцессой справили свадьбу и стали жить вместе как король с королевой. Король управлял всей этой первозданной страной, выходил из дворца осматривать свои владения, где кругом было множество оленей, косуль, охотников, пастухов и военных людей. Он часто отправлялся за пределы дворца на охоту, и ворота дворца, которые раньше всегда были заперты, стояли, как и положено воротам королевского дворца раскрытыми настежь. Когда он, будучи далеко от дворца, наслаждался охотой, то увидел на дороге еврея, идущего с котомкой, который сказал ему: «Я очень часто хожу по этой дороге, но ни разу не видел дыма, поднимающегося из печной трубы; я ни разу не видел открытых ворот, и я ни разу не слышал песню стража на башне». Полный любопытства, еврей направился во дворец и там попросил разрешения его осмотреть. Получив его, он увидел, что замок все еще висит на старых дверях, и так как за ним никто не следил, он снял его. Как только он стал открывать замок (а он хорошо знал его свойства), сразу же появились привидения и спросили, что он им приказывает. Тут он сказал: «Я приказываю этот дворец немедленно перенести за гору, где не светят ни солнце, ни луна, и чтобы я был

в нем один с королевой. Вы, привидения, должны служить нам, когда я замком, а, значит, волшебством буду заклинать вас. Всех слуг дворца вы должны запереть в дворцовой башне и посадить их на хлеб и воду. Я женюсь на прекрасной королеве и буду с ней жить по другую сторону горы, где не светят ни солнце, ни луна. Вот это и будет счастье».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.